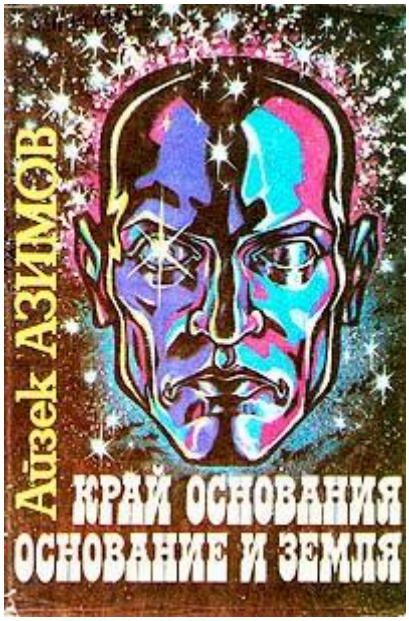
Айзек АЗИМОВ
КРАЙ ОСНОВАНИЯ
ОСНОВАНИЕ И ЗЕМЛЯ

Айзек Азимов

Край Основания [Академия на краю гибели]

Серия «Академия [Основание]», книга 6

Дополнительная вычитка – Виктор Грязнов
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127730
Айзек Азимов. Край основания. Основание и Земля: Орис; М.; 1992
ISBN 5-88436-002-9
Оригинал: IsaacAsimov, “Foundation's Edge”

Аннотация

«Край Основания» и «Основание и Земля» последние (по хронологии «истории будущего») романы из незавершенной эпопеи американского фантаста Айзека Азимова. План Хари Селдона по воссозданию Галактической Империи поразительно точен. Опальный советник Первого основания Тревиз начинает поиски таинственной корректирующей силы. Вначале он выходит на тщательно законспирированную и телепатически мощную организацию ученых. Но вскоре сталкивается с куда более могущественной ментальной силой в виде планетарного сверхорганизма, целью которого вовсе не является Галактическая Империя. Но и этот суперорганизм стимулируется еще одним источником ментальных воздействий.

Содержание

Пролог 4
Советник 6
Историк 25
Космос 37
Оратор 47
Земля 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Айзек Азимов
Край Основания

Пролог

Первая галактическая империя рухнула. Она разлагалась в течении столетий, и только один человек полностью осознал этот факт.

Это был Хари Селдон, последний великий ученый Первой Империи, который усовершенствовал психоисторию – науку, описывающую человеческое поведение математическими уравнениями.

Индивидуальный человек – существо непредсказуемое, но реакции человеческой массы, считал Селдон, могли быть вычислены статистически.

Чем больше масса, тем большей точности можно добиться. А объем человеческой массы, с которой работал Селдон, был не меньше, чем население всех миллионов обитаемых миров Галактики.

Уравнения Селдона говорили ему, что Империя, достигнув вершины, должна пасть, и что пролетит тридцать тысячелетий человеческой жизни в нищете и агонии, прежде чем из руин поднимется Вторая Империя. Однако, если урегулировать некоторые существующие условия, этот интервал можно уменьшить до одной тысячи лет.

Для обеспечения этого Селдон организовал две колонии ученых, которые он назвал «Основаниями». Он намеренно поместил их в «противоположных концах Галактики». Первое Основание, которое сконцентрировалось на физической науке, было организованно у всех на глазах. Существование же другого, Второго Основания – мира психоисториков и «ментальных» ученых было покрыто тайной.

В трилогии «Основание» рассказывалось о первых четырех столетиях Интервала. Первое Основание (более известное как просто «Основание», поскольку о существовании другого почти не было известно) началось с маленькой общины, затерянной в пустотах Внешней Периферии Галактики. Периодически община переживала кризисы, в которых переменные общественные связи людей, а также социальные и экономические течения времени сжимали общину. Ее свобода передвижения ограничивалась лишь одной определенной линией, и, когда они двигались в этом направлении, перед ней раскрывались новые горизонты развития. И все это было спланированно Хари Селдоном, уже давно умершим.

Первое Основание со своим высшим знанием взяло верх над окружавшими его варварскими планетами. Оно встало перед анархическими военачальниками, отколовшимися от умирающей Империи, и побило их. Оно встретилось с остатками семей Империи, с ее последним сильным императором и последним сильным генералом – и побило их.

Казалось, по «Плану Селдона» все шло гладко, и ничто не могло помешать Второй Империи появиться вовремя и с минимумом промежуточных опустошений.

Но психоистория – наука статистическая. И всегда есть маленькая вероятность, что где-то, что-то пойдет не так, и произойдет то, чего Хари Селдон не мог предвидеть. Неизвестно откуда появился человек по имени Мул. Он обладал такой мысленной властью, какой в Галактике не было. Он мог переправить эмоции людей и так сформировать их мысли, что его самые ярые противники превращались в преданных слуг. Никакие армии не могли бороться с ним, и казалось, План Селдона лежал в руинах.

Тогда поднялось таинственное Второе Основание, которое не было подготовленно к появлению Мула, но стало медленно разрабатывать контратаку. Главной защитой Второго Основания был тот факт, что никто не знал его местонахождения. Мул искал его по всей

Галактике, чтобы его захватить. Те, кто остался от Первого Основания, тоже искали его, чтобы получить помощь. Но никто его не нашел. Мул был остановлен сначала действиями женщины Бейты Дарелл, а тем временем Второе Основание организовало собственные действия, которые окончательно остановили Мула, и постепенно начали восстановление Плана Селдона.

Но прикрытие Второго Основания в какой-то мере исчезло. Первое Основание знало о существовании Второго, в котором менталисты будут наблюдать за ними. Первое Основание превосходило Второе по физической силе, в то время как Второе сдерживалось не только этим фактом, но и тем, что перед ним стояла двойная задача: не только сохранить Первое Основание, но еще сохранить свою анонимность.

Второе Основание, под руководством «первого Спикера» Прима Палвера, ухитрилось выполнить и то и другое. Первому Основанию позволили вроде бы уничтожить Второе Основание, и первое набирало все больше сил в Галактике, не зная, не ведая, что Второе Основание все еще существует.

Теперь прошло 498 лет после появления на свет Первого Основания. Это был пик его силы, но только один человек не судил по внешнему виду…

Советник

– В это я, конечно, не верю, – сказал Голан Тревиз, стоя на широких ступенях Селдон-Холла и глядя сверху на сверкающий в солнечных лучах город.

Терминус был мягкой планетой с высоким коэффициентом водного пространства. Введение контроля над погодой сделало всю планету более комфортабельной и – как часто думал Тревиз – менее интересной.

– Я ни во что не верю, – повторил он. Лицо юноши озарила белозубая улыбка.

Его спутник и товарищ, советник Манн ли Кампер, который принял среднее имя как вызов традициям Терминуса, неодобрительно покачал головой.

– Во что ты не веришь? Что мы спасли город?

– О, в это я верю. Мы же это сделали, верно? И Селдон говорил, что мы сделаем это, что мы поступим правильно, что он все знал насчет этого пятьсот лет назад.

Кампер понизил голос и сказал полушепотом:

– Слушай, я не против, чтобы ты говорил такое мне, поскольку я завел этот разговор, но если ты будешь кричать об этом и толпа услышит – откровенно говоря, я не хотел бы стоять рядом с тобой, когда ударят разряды. Я не уверен в точности прицела.

Тревиз продолжал улыбаться. Он спросил:

– Разве опасно говорить, что город спасен? И что добились мы этого без войны?

– Здесь некому было сражаться, – сказал Кампер. У него были желтые, как масло, волосы, небесно-голубые глаза, и он всегда противился искушению изменить эти немодные цвета.

– Ты никогда не слышал о гражданской войне, Кампер? – снова спросил Тревиз. Он был высок, черные волосы лежали ровными волнами, и он, как всегда, по привычке засунул большие пальцы за мягкий кожаный пояс костюма.

– О гражданской войне на улицах столицы?

– Опасная тема, она может вызвать кризис Селдона. Это погубило политическую карьеру Хэнниса и включило тебя и меня в Совет на последних выборах, но процесс замедлился… – Тревиз медленно поводил рукой, словно уравновешивая стрелки.

Он задержался на ступенях, игнорируя других членов правительства так же, как и изысканное общество, приглашенное стать свидетелем возвращения Селдона (или, по крайней мере, его изображения).

Толпа спускалась по ступеням, болтала, смеялась, гордилась правильностью своего выбора и одобряла Селдона.

Тревиз стоял, пропуская толпу мимо себя. Кампер, спустившись на две ступеньки ниже, остановился – между ними натянулась невидимая нить.

– Ты не идешь?

– Торопиться некуда. Совет не начнется, пока мэр Бранно не рассмотрит ситуацию, по своему обыкновению, обстоятельно – выдавливая по одному слогу в минуту. Я не спешу выслушивать еще один нудный доклад. Взгляни на город!

– Пожалуйста, но я видел его и вчера.

– Да, но ты можешь представить его пятьсот лет назад, в момент его основания?

– Четыреста девяносто восемь, – машинально поправил Кампер. – Через два года будет торжество пятисотлетия, и мэр Бранно будет в это время еще на посту, преграждая путь маловероятным, как мы надеемся, случайностям.

– Мы надеемся, – сухо сказал Тревиз. – Но на что был похож город пятьсот лет назад, когда его основали? Несколько строений, да кучка людей, готовивших Энциклопедию, которая так и не была закончена!

– Ты имеешь в виду Галактическую Энциклопедию? Но это совсем не то, над чем они работали. Наша в компьютере, и ее каждый день переделывают. Ты когда-нибудь заглядывал в незаконченный оригинал?

– Ты имеешь в виду Хардин-Музей?

– Сальвор-Хардин-Музей Подлинников. Давай уж называть полностью, раз ты так заботишься о точности. Так ты заглядывал туда?

– Нет. А зачем?

– Тебе кажется, большой ценности это не представляет. Но так или иначе, все началось с группы энциклопедистов, составлявшей ядро городка – маленького городка на планете, практически не имеющей металлов, кружащейся вокруг Солнца на задворках Галактики. А теперь, пятьсот лет спустя, весь Терминус – один громадный парк, и у нас есть любой металл, который мы пожелаем. Теперь мы в городе, который является центром всего!

– Не совсем, – возразил Кампер. – Наше солнце по-прежнему удалено от основной части Галактики, и мы по-прежнему на задворках.

– Ну нет, ты сказал не подумав. В этом стержень селдоновского кризиса. Мы не просто единственная планета Терминус. Мы – Основание, которое протягивает свои щупальца и правит этой Галактикой из своего медвежьего угла. Мы можем так поступать, потому что не изолированы, разве, что в смысле местоположения, а это не считается.

– Правильно, согласен. – Кампера явно не интересовал разговор на эту тему и он спустился еще на одну ступеньку. Невидимая нить между ними натянулась сильнее.

Тревиз поднял руку, как бы подтягивая спутника снова наверх.

– Ты что, не понимаешь значения этого, Кампер? Это огромная перемена, но мы ее не принимаем. В глубине души мы все мечтаем о старом маленьком Основании, об управлении одним крохотным мирком, как в старые времена – времена железных героев и благородных святых, ныне навеки исчезнувших.

– Пошли!

– Я говорю серьезно. Посмотри на Селдон-Холл. Вначале, при первых кризисах времен Сальвора Хардина, это была действительно капсула времени, маленькая аудитория, в которой появлялось голографическое изображение Селдона. И только! А теперь это колоссальный мавзолей, но есть ли здесь перила силового поля? Движущиеся платформы? Гравитационный лифт? Нет, здесь те же ступени, и мы спускаемся и поднимаемся, как в свое время Хардин. В удивительные и непредсказуемые времена мы в испуге цепляемся за прошлое. – Он порывисто взмахнул рукой. – Есть ли здесь какой-нибудь структурный компонент из металла? Ни одного! И не должно быть, потому что во времена Сальвора Хардина на планете не было природного металла и вряд ли он импортировался. Мы даже использовали старинный пластик, дырявый от времени, когда строили это громадное здание, чтобы посетители из других миров останавливались и восклицали: «Галактика! Как прекрасен древний пластик!». Скажу тебе, Кампер, это позор!

– Во что же ты, все-таки, не веришь? В Селдон-Холл?

– Во все, что он содержит, – сказал Тревиз злобным шепотом. – Я не верю, что есть какой-то смысл скрываться здесь, на краю Вселенной, как скрывались наши предки. Я считаю, что мы должны быть не здесь, а в центре всего.

– Но Селдон сказал бы, что ты не прав. В его плане все учтено. – Знаю, знаю. Каждому ребенку на Терминусе внушают, что Хари Селдон составил план, что он предвидел все на тысячу лет вперед, мол, он создал Основание и даже обрисовал некоторые кризисы, во время которых его голографическое изображение появится и сообщит нам минимум того, что мы должны знать, идя к следующему кризису, дескать, таким образом, он проведет нас через тысячу лет истории, пока мы, наконец, не сможем спокойно построить Вторую Галактиче-

скую Империю на развалинах старого треснувшего сооружения, покачнувшегося пять столетий назад и полностью рассыпавшегося два столетия назад.

– Зачем ты говоришь мне все это, Голан?

– Потому что я уже сказал тебе – это позор. Все это – стыд и позор. Если это и было реально вначале, то теперь это – позор! Мы не хозяева сами себе. Не мы следуем плану.

Кампер испытующе взглянул на него.

– Мы и раньше говорили об этом, Голан, но я всегда считал, что ты разыгрываешь меня. Теперь же я начинаю думать, что ты говоришь это всерьез.

– Конечно – всерьез!

– Если это не розыгрыш, значит, ты не в своем уме.

– Ни то и ни другое, – сказал Тревиз. Теперь он успокоился и снова засунул пальцы за пояс, словно больше не нуждался в жестикуляции. – Я размышлял на эту тему и раньше, но признаться, не очень сосредоточенно. Сегодняшний же фарс ясно показал мне все, и я намерен, в свою очередь, объяснить все это Совету.

– Ты, все-таки, спятил! – воскликнул Кампер.

– Ладно. Пойдем, услышишь сам.

Они пошли вниз. На лестнице было пустынно – все остальные уже спустились. И пока Тревиз шел чуть впереди, губы Кампера почти беззвучно двигались посылая в спину друга одно слово:

– Глупец!

Мэр Харла Бранно призвала заседание Исполнительного Совета к порядку.

Она смотрела на собравшихся без видимого интереса, однако без сомнения, отметила всех присутствующих и всех тех, кто не явился.

Ее седые волосы были тщательно уложены в стиле, который не был ни явно женским, ни имитацией мужского. Просто манера причесываться, не более того.

Ее лицо не было красивым, но как-то сложилось, что красоты в нем никогда и не искали.

Она была самым способным администратором на планете. Никто не стал бы сравнить ее с блистательными Сальвором Хардином и Хобером Мэллоу, которые придали жизнеспособность Основанию в первые два столетия. Однако, никто не связывал ее имя и с наследственным безумием Индбуров, правивших Основанием до Мула.

Ее выступления не задевали людского воображения, она не обладала даром драматической жестикуляции, но умела принимать спокойные решения и проталкивать их, пока сохраняла уверенность в их правильности. Без какого-либо явно выраженного нажима она умела убеждать голосующих, и те принимали спокойные решения, которые были необходимы.

Согласно доктрине Селдона, потоку событий весьма трудно отклониться от главной исторической линии (даже под влиянием непредсказуемого, о чем большинство сэлдинистов забывает, несмотря на печальный инцидент с Мулом).

Основание оставило бы свою столицу на Терминусе при любых условиях. Селдон во время своего точно выбранного появления уверенно определил эту вероятность в 87,2 процента.

Однако, даже для селдонистов это означало – есть вероятность в 12,8 процента, что произойдет перемещение столицы ближе к центру Федерации и это приведет к тем ужасным последствиям, которые обрисовал Селдон. И то, что эта вероятность не осуществилась, было, конечно, заслугой мэра Бранно.

Было очевидно, что она не позволит этого. Даже в периоды сильной непопулярности она боролась за то, чтобы Терминус оставался метрополией Основания.

Ее политические соперники рисовали карикатуры, на которых крепкие челюсти мэра поднимали блоки из гранита (весьма эффективно, как они сами позже признавали).

И вот теперь Селдон поддерживал ее точку зрения, что могло дать ей хорошие политические козыри. В прошлом году мэр сказала, что если в своем следующем появлении Селдон поддержит ее, она будет рассматривать свою задачу удачно выполненной, выйдет в отставку и станет одной из почетных государственных особ вместо того, чтобы рисковать в дальнейших политических баталиях.

В сущности, никто ей не поверил. В политических сражениях она чувствовала себя, как рыба в воде, и теперь, когда изображение Селдона пришло и ушло, на ее отставку не было и намека.

Она говорила прекрасно поставленным голосом с нескрываемым акцентом Основания (когда-то она служила посланником на Мадрасе, но так и не усвоила старинный имперский стиль речи, который стал таким же модным сейчас как часть квазиимперского управления Внутренними Провинциями).

Она говорила:

– Наступает селдоновский кризис, это традиция, и традиция мудрая.

Никаким репрессиям не будут подвергнуты те, кто поддерживает ошибочную точку зрения. Множество честных людей считает, что имеет веские причины желать того, чего не желал Селдон. Это ничуть не унижает их, если они могут обрести самоуважение, только отказавшись от самого плана Селдона. С другой стороны, есть давний и хороший обычай: те, кто поддерживал проигравшую сторону, принимают убытки спокойно и без дальнейших споров. – Она сделала паузу, оглядела присутствующих и продолжила:

– Прошла половина срока, члены Совета, половина тысячелетия между Империями. Бывали трудные времена, но мы прошли долгий путь. Мы теперь – почти Галактическая Империя, у нас не осталось опасных внешних врагов.

Интервал должен был длиться тридцать тысячелетий, если бы не план Селдона. После тридцати тысяч лет дезинтеграции, возможно, не осталось бы сил на создание Империи. Могли бы сохраниться только изолированные и, вероятно, умирающие миры.

Всем, что мы имеем сегодня, мы обязаны Хари Селдону, и в будущем мы должны полагаться на него. Таким образом, советники, опасность – в нас самих, и отсюда следует, что не должно быть никакого сомнения в ценности плана. Мы обязаны полностью поддерживать его. Он оправдал себя в прошедшие столетия. План – это безопасность человечества, вмешиваться в него нельзя.

Принято?

Раздалось тихое бормотание. Мэр даже не подняла глаз, чтобы найти видимые доказательства одобрения. Она знала всех членов Совета и реакцию каждого из них. Теперь, когда она шла в кильватере победы, возражений быть не могло. В будущем году – возможно, но не сейчас. С проблемами будущего года она будет биться в будущем году.

Но всегда бывают исключения…

– Контроль над мыслями, мэр Бранно? – громко спросил Голан Тревиз, спускаясь в проход.

Он не потрудился занять свое место (новичкам отводились задние ряды).

Не поднимая глаз Бранно уточнила:

– Какова ваша точка зрения, советник Тревиз?

– Правительство не может налагать запрет на свободу слова. Все индивидуумы, включая, конечно, господ советников, избранных для этой цели, имеют право спорить о проблемах дня, в результате чего, возможно, произойдет отход от плана Селдона.

Бранно сложила руки и посмотрела на Тревиза. Ее лицо ничего не выражало. Она заметила:

– Советник Тревиз, вы открыли прения вне установленного порядка. Тем не менее, прошу вас обосновать вашу точку зрения, я отвечу потом.

– Нас ограничивает сама природа плана. Есть много способов истолковывать события до того, как голограмма праотца даст окончательное решение. Но как только это решение дано, оно больше не обсуждается в Совете.

Оно не обсуждается и предварительно, чтобы кто-нибудь не сказал: «Если Хари Селдон установил то-то и то-то, возможно, он и ошибался». А если кто-нибудь искренне так считает мадам мэр?

– Этот «кто-нибудь» может так говорить, если он – частное лицо.

– Значит, вы хотите сказать, что ограничения свободы слова, о которых вы говорите, относятся целиком и полностью к правительству?

– Именно. Это отнюдь не новый принцип Основания. Сначала он относился к мэрам всех партий. Личная точка зрения ничего не значит, официальное выражение мнения имеет вес и может быть опасным. И мы не хотим рисковать.

– Позвольте мне уточнить, мадам мэр, что этот ваш принцип применялся изредка и регламентировался специальными актами Совета. Он никогда не относился к чему-то столь же обширному и бесконечному, как план Селдона.

– План Селдона больше всего нуждается в защите, потому что именно для него подобные сомнения могут оказаться роковыми.

– Вы не учитываете, мэр Бранно, – Тревиз повернулся и теперь обращался к рядам членов Совета, которые, казалось, все до единого затаили дыхание, словно в ожидании исхода дуэли, – вы не учитываете, члены Совета, что есть все основания полагать план Селдона несуществующим.

– Мы все были свидетелями, как он работал сегодня, – сказала мэр Бранно спокойно, в то время как Тревиз стал говорить громче и раздраженнее.

– Именно потому, что мы видели, как он сработал сегодня, леди и джентльмены, мы в состоянии заключить, что план Селдона, в который нас учили верить, не существует!

– Советник Тревиз, вы вне регламента и не можете более продолжать в том же духе.

– У меня должностная привилегия, мэр.

– Эта привилегия отведена, советник.

– Вы не можете отвести привилегию. Ваше заявление – ограничение свободы слова, и само по себе не может иметь силу закона! Официального голосования в Совете не было, мэр, а даже если бы и было, я имел бы право поставить вопрос о его законности.

– Отвод, советник, не имеет отношения к моему заявлению, запрещающему критиковать план Селдона.

– А к чему же относится отвод?

– Вы обвиняетесь в измене, советник. Я хочу оказать Совету любезность и не арестовывать вас в зале Совета, но чиновники Службы Безопасности ждут вас за дверью и возьмут под стражу, как только вы выйдете. Я просила бы вас выйти спокойно. Если вы сделаете какое-нибудь злонамеренное движение, тогда, конечно, это будет рассматриваться как угроза, и чиновники Службы Безопасности войдут в зал. Но я уверена, что это не понадобится.

Тревиз нахмурился. В зале стояла абсолютная тишина. Неужели все ждали такого поворота – все, кроме него и Кампера? Он оглянулся на дверь. Никого там не увидел, однако понял, что мэр Бранно не блефует. От ярости он стал заикаться.

– Я пред… представитель большого числа избирателей, мэр Бранно…

– Не сомневаюсь, что они разочаруются в вас.

– На каком основании вы выдвигаете это дикое обвинение?

– Оно будет предъявлено соответствующим и должным образом, и будьте уверены, что у нас есть все, что нужно. Вы очень несдержанный молодой человек: вы поймете, что кое-кто может быть вашим другом, но не желает следовать за вами по пути измены.

Тревиз резко повернулся, чтобы встретить взгляд Кампера, но тот сохранял полную невозмутимость.

Мэр Бранно спокойно сказала:

– Я могу засвидетельствовать перед всеми, что когда я сделала свое последнее заявление, советник Тревиз повернулся и посмотрел на советника Кампера. Теперь вы уйдете, советник, или вынудите нас пригласить чиновников Службы Безопасности, чтобы арестовать вас в зале?

Голан Тревиз повернулся, снова поднялся по ступенькам, и за дверью два вооруженных человека в форме стали у нега по бокам.

А мэр Бранно, бесстрастно поглядев ему вслед, прошептала почти сомкнутыми губами:

– Дурак!

Лионо Кодил был Директором Службы Безопасности администрации мэра Бранно. Это была непыльная работенка, как он любил говорить, но лгал он или нет – никто, конечно, не мог сказать. Он не выглядел лжецом, но это еще ничего не означало.

Он казался спокойным и дружелюбным, вполне возможно, что в принципе и требовалось для его работы. Он был ниже среднего роста, имел густые усы (весьма необычные для граждан Терминуса), теперь сильно побелевшие; блестящие карие глаза и характерную заплату первоначального цвета на нагрудном кармане его потускневшего коричневого комбинезона.

– Садитесь, Тревиз, – сказал он. – Давайте держаться на дружеской ноге, если сможем.

– На дружеской? С изменником? – Тревиз засунул пальцы за пояс и остался стоять.

– С обвиняемым в измене. Мы еще не дошли до точки, когда обвинение – даже исходящее от самого мэра – эквивалентно утверждению. И я уверен, что мы не дойдем до нее. Мое дело – помочь вам, если это возможно. Я предпочел бы сделать так, чтобы не причинять вреда – разве только вашей гордости – и не выносить все на суд общественности. Надеюсь, вы согласны со мной?

Тревиз не смягчился:

– Давайте без заискивания. Ваша работа – заставить меня расколоться, как будто я являюсь изменником. Я же – не изменник, и возмущен необходимостью доказывать это ради вашего удовольствия. Я склонен предоставить вам такую возможность.

– В принципе – вы правы. Но, к сожалению, сила на моей стороне, а не на вашей. И, следовательно, задавать вопросы – мое право, а не ваше. Если какое-либо подозрение в нелояльности или измене падет на меня, я окажусь снятым с должности и меня будет допрашивать кто-то другой, и он, как я горячо надеюсь, отнесется ко мне не хуже, чем я намерен отнестись к вам.

– А как вы намерены отнестись ко мне?

– Как друг и как равный по положению, если вы отнесетесь ко мне также.

– Может быть нам выпить вместе? – ехидно спросил Тревиз.

– Позднее – возможно, но сейчас, пожалуйста, сядьте. Я прошу вас как друг.

Тревиз поколебался, но сел. Дальнейшее недоверие вдруг показалось ему ненужным.

– Что дальше? – спросил он.

– Дальше – могу я попросить вас ответить на мои вопросы правдиво, полно и без увиливаний?

– А если я откажусь? Какая угроза стоит за этим? Психический Зонд?

– Уверен, что нет.

– Я тоже уверен, что нет. Нет – для советника. Зонд не выявит измены, а когда я буду оправдан, в моих руках будет ваша политическая карьера, да и карьера мэра, возможно. Вам дорого обойдется попытка применить Психический Зонд.

Кодил нахмурился и покачал головой.

– О, нет, нет. Просто слишком велика опасность непоправимо повредить мозг. Когда не торопятся, это не причиняет никакого вреда. Но иногда, знаете ли, когда Зондом пользуются в раздражении…

– Угроза, Кодил?

– Просто констатация факта, Тревиз. Не стоит заблуждаться на мой счет, советник. Если мне будет необходимо воспользоваться Зондом, я им воспользуюсь, и если даже вы невиновны, выхода у вас не будет.

– Что вы хотите знать?

Кодил нажал кнопку на столе и сказал:

– Мои вопросы и ваши ответы записываются на видеоаппаратуру. Я не хочу никаких самопроизвольных высказываний от вас, или чего-то безответственного. Я уверен, что вы это понимаете.

– Я понимаю, что вы хотите записывать только то, что вам нравится, – презрительно сказал Тревиз.

– Верно, но вы снова заблуждаетесь. Я не стану искажать ничего из того, что вы скажете, я запишу или не запишу, вот и все. Но вы будете знать, что я не записываю, и не станете тратить свое и мое время.

– Посмотрим…

– У нас есть все основания думать, советник Тревиз, – налет официальности в голосе Кодила показывал, что он записывает, – что вы утверждали открыто и неоднократно, о своем неверии в существование плана Селдона.

Тревиз медленно ответил:

– Если я утверждал это «открыто и неоднократно», то чего же вам еще надо?

– Давайте не будем тратить время на увертки, советник. Вы знаете, что я хочу откровенного признания, сделанного вашим собственным голосом, со свойственными ему оттенками, при условии, что вы полностью владеете собой.

– Потому, как я полагаю, что использование какого-нибудь гипно-эффекта, химического или иного, изменяет оттенок голоса.

– Причем, очень заметно.

– И вы боитесь продемонстрировать, что пользовались незаконными методами при допросе советника? Что ж, за это вас трудно осуждать.

– Рад, что вы поняли меня, советник. В таком случае, продолжим. Вы утверждали открыто и неоднократно, что не верите в существование плана Селдона. Вы признаете это?

Тревиз медленно, тщательно подбирая слова, произнес:

– Я не верю, что так называемый план Селдона имеет то значение, какое ему придается.

– Неопределенное утверждение. Вы собираетесь развивать вашу мысль?

– Принято считать, что Хари Селдон, пятьсот лет назад воспользовавшись математической наукой психоисторией, разработал в мельчайших деталях курс человеческих событий, и что мы должны следовать начертанному курсу, чтобы пройти путь от Первой Галактической Империи ко Второй по линии максимальной вероятности, я считаю наивной. А я утверждаю, что такого не может быть.

– Не означает ли это, что, по вашему мнению, Хари Селдон никогда не существовал?

– Отнюдь нет. Конечно, он существовал.

– Или, что он никогда не развивал науку психоисторию?

– Нет, я, конечно, не имел в виду ничего подобного. Видите ли, директор, я объяснил бы это Совету, если бы мне позволили, и я объясню вам. Истина, которую я собираюсь высказать, так очевидна…

Директор Службы Безопасности спокойно и демонстративно выключил записывающий аппарат.

Тревиз замолчал и нахмурился.

– Зачем вы это сделали?

– Вы тратите мое время, советник. Я не просил вас произносить речей.

– Вы просили меня объяснить мою точку зрения, разве нет?

– Не совсем так. Я просил вас отвечать на вопросы – просто, прямо и честно. Отвечать на вопросы и ничего не добавлять, не говорить о том, что я не спрашиваю. Поступайте так, и наша беседа не займет много времени.

– Вы хотите сказать, что намерены вытянуть из меня то, что подкрепит официальную версию обвинения?

– Мы просим вас только сделать правдивое заявление, и, уверяю вас, мы ничего не исказим в нем. Разрешите мне попытаться снова. Мы говорим насчет Хари Селдона. – Записывающий аппарат пришел в действие, и Кодил спокойно повторил:

– И он никогда не развивал науку психоисторию?

– Конечно, он развивал науку, которую он называл психоисторией, – сказал Тревиз, уже не скрывая нетерпения и раздраженно жестикулируя.

– Которую вы определяете – как?

– О, Галактика! Ее обычно определяют как отрасль математики, которая имеет дело с общими реакциями большой группы человеческих существ на данный стимул в данных обстоятельствах. Иными словами, она предположительно предсказывает социальные и исторические перемены.

– Вы говорите «предположительно». Вы заключаете это с точки зрения математической экспертизы?

– Нет, – ответил Тревиз, – я не психоисторик. Ни один член правительства Основания, ни один гражданин Терминуса, ни один…

Рука Кодила поднялась. Он мягко сказал:

– Советник, прошу вас!

Тревиз замолчал.

– Есть ли у вас основания, – сказал Кодил, – предполагать, что Хари Селдон не сделал необходимого анализа, при оценке минимально необходимого временного разрыва между Первой Империей и Второй?

– Меня там не было, – съехидничал Тревиз. – Откуда мне знать?

– Вы убеждены, что он этого не делал?

– Нет.

– Может быть, вы отрицаете, что голографическое изображение Селдона, которое появляется при каждом кризисе в течение почти пятисот лет, в действительности изображение самого Селдона, сделанное в последний год его жизни, незадолго до организации Основания?

– Предполагаю, что не могу отрицать этого.

– Вы «предполагаете»? Не хотите ли вы сказать, что это обман, мистификация, придуманная кем-то в прошлом для какой-то цели?

Тревиз вздохнул.

– Нет, я не утверждаю этого.

– Утверждаете ли вы, что сообщения, которые дает Хари Селдон, вообще подтасованы?

– Нет. Не имею основания думать, что такая подтасовка возможна или нужна.

– Понятно. Вы были свидетелем самого последнего появления Селдона. Нашли ли вы, что его анализ, сделанный пятьсот лет назад, не согласуется с сегодняшними реальными условиями?

– Наоборот! – воскликнул Тревиз с неожиданным ликованием. – Он очень точно согласуется.

Кодил, казалось, безразлично отнесся к эмоциям Тревиза.

– Однако, советник, после появления Селдона вы, все-таки, продолжаете считать, что план Селдона не существует.

– Конечно, считаю. Он не существует как раз потому, что анализ отлично сходится.

Кодил выключил запись.

– Советник, – сказал он, покачав головой, – вы заставляете меня стирать запись. Я спросил вас, поддерживаете ли вы еще свою странную уверенность, а вы начали выдавать мне причины. Позвольте мне повторить свой вопрос: однако, советник, после появления Селдона вы, все-таки, считаете, что план Селдона не существует?

– Откуда вы это знаете? Ни у кого не было возможности переговорить с моим другом-доносчиком Кампером после появления Селдона.

– Допустим, мы угадали, советник. Допустим, вы уже ответили: «Конечно, считаю». Если вы скажете это еще раз, но без дополнительной информации, мы сможем на том закончить.

– Конечно, считаю, – иронически сказал Тревиз.

– Хорошо, – сказал Кодил, – я выберу из этих «конечно, считаю» то, которое звучит более естественно. Благодарю вас, советник.

И записывающий аппарат снова был выключен.

– Все? – спросил Тревиз.

– Да. То что мне нужно.

– Совершенно ясно, что вам нужен набор вопросов и ответов, которые вы можете представить Терминусу и всей Федерации и показать, что я полностью принимаю легенду о плане Селдона. Так что любое отрицание этого, сделанное позднее, будет выглядеть донкихотством или полным безумием.

– Или даже изменой в глазах возбужденной массы, которая считает план главным спасением Основания. Возможно, не будет необходимости опубликовывать это, советник Тревиз, если мы придем к некоторому взаимопониманию; в противном случае, мы позаботимся, чтобы об этом услышала вся Федерация.

– Неужели вы настолько глупы, сэр, – хмуро сказал Тревиз, – что совершенно не интересуетесь тем, что я на самом деле хочу сказать?

– Как человеческое существо я заинтересован, и в свободное время с интересом выслушал бы вас, правда, с некоторой долей скептицизма. Как директор Службы Безопасности я уже имею в настоящее время именно то, что хотел.

– Надеюсь, вы понимаете, что это плохо обернется и для вас, и для мэра?

– Как ни странно, но я придерживаюсь иного мнения. А теперь вы можете идти. Под стражей, конечно.

– Куда меня отведут?

Кодил проигнорировал этот вопрос.

– До свидания, советник. Вы не очень-то сотрудничали, но надеяться на обратное было бы легкомысленно. – И он протянул руку.

Тревиз встал, делая вид, что не замечает протянутой руки, разгладил морщинки на поясе и сказал:

– Вы только оттягиваете неизбежное. Другие, наверное, думают также как и я, или будут так думать позднее. Посадите ли вы меня в тюрьму или убьете – это вызовет удивление и, возможно, ускорит появление подобных мыслей. В конце концов, истина и я восторжествуем.

Кодил опустил руку и медленно покачал головой.

– В сущности, Тревиз, – сказал он, – вы дурак.

Около полуночи два стража пришли вывести Тревиза из роскошной – он должен был признать это – штаб-квартиры Службы Безопасности. Роскошной, но закрытой. Тюремная камера, иначе не назовешь.

Тревиз провел в заточении четыре часа, без устали расхаживая по комнате. Горькие сомнения не покидали его.

Почему он доверял Камперу?

А почему нет? Он, казалось, явно был согласен. Нет, не то… Почти поддался уговорам. Нет, и это не то… Он казался таким тупым, легко поддающимся влиянию, ему так явно не хватало сообразительности и самостоятельности мышления, что Тревиз радовался случаю воспользоваться им как удобной звуковой панелью. Кампер помогал Тревизу улучшать и оттачивать мысль. Он был полезен, и Тревиз доверял ему просто потому, что это было удобно.

Но теперь бессмысленно гадать, как он мог не разгадать Кампера. Надо было следовать единственно верному правилу: не доверять никому.

Но может ли человек прожить жизнь, никому не веря?

Очевидно, этому необходимо научиться.

И кто бы мог подумать, что у Бранно хватит нахальства выкинуть советника из Совета и что никто из других членов не вступится за него? Пусть они никак не соглашались с ним, пусть они были готовы отдать свою кровь, всю до последней капли, за права Бранно, но, все-таки, в принципе они должны были возражать против такого насилия над их прерогативами. Бронзовая Бранно, как ее иногда называли, действовала, с железной решимостью…

Если только она сама не была уже в тисках..

Нет! Этот путь ведет к паранойе!

И все-таки…

Когда подошли стражники, голова его шла кругом.

– Пойдемте с нами, советник, – сказал старший с равнодушной серьезностью (знаки различия указывали, что он лейтенант).

У военного был небольшой шрам на правой щеке. Выглядел он усталым, словно работал очень долго и безрезультатно – таким и должен быть солдат, когда народ уже больше ста лет живет в мире.

Тревиз не шевельнулся.

– Ваше имя, лейтенант.

– Лейтенант Ивандер Сапилор, сэр.

– Вы понимаете, что нарушаете закон, лейтенант Сапилор? Вы не можете арестовать советника.

– У нас прямой приказ, сэр.

– Неважно. Вам не могут приказать арестовать советника. Вы должны понимать, что в результате попадете под трибунал.

– Но вы не арестованы, советник.

– Выходит, я могу отказаться, так?

– Нам приказано проводить вас до дома.

– Я знаю дорогу.

– И защищать вас по дороге.

– От чего? От кого?

– От толпы, которая может собраться.

– Посреди ночи?

– Поэтому-то мы и ждали полуночи, сэр. А теперь, сэр, ради вашей безопасности мы просим вас следовать за нами. Ставлю вас в известность – не для угрозы, а для информации – что нам приказано применить силу, если понадобится.

Тревиз помнил о нейрохлыстах, и неторопливо, сохраняя достоинство поднялся.

– Ну что ж, пошли к моему дому. А вдруг я обнаружу, что вы ведете меня в тюрьму?

– Нам не приказывали лгать вам, сэр! – гордо возразил лейтенант.

Тревиз начал понимать, что перед ним профессионал, который требует исполнения прямого приказа. Если бы он лгал, выражение лица выдало бы его.

– Прошу простить меня, лейтенант, – сказал Тревиз. – Я не хотел сказать, что сомневаюсь в ваших словах.

Снаружи их ожидал наземный кар. Улица была пустынна, не было ни одного человека, не то что толпы – но лейтенант был искренен. Он не говорил, что снаружи толпа, он упомянул о толпе, которая может собраться. Только «может».

Лейтенант позаботился, чтобы Тревиз находился между ним и машиной, так что советник не мог отступить или убежать. Лейтенант вошел в салон следом за Тревизом и сел на заднее сиденье рядом с ним.

Кар двинулся.

Тревиз поинтересовался:

– Дома, я, вероятно, смогу заниматься своими делами и смогу тут же уйти, если захочу?

– У нас нет приказа мешать вам, советник, но нам предписано защищать вас.

– Что это означает?

– Мне приказано сказать вам, сэр, что, прибыв домой, вы не сможете уйти. Улицы небезопасны для вас, а я отвечаю за вас.

– Вы хотите сказать, что я нахожусь под домашним арестом?

– Я не юрист, советник. Я не знаю, что это означает.

Он смотрел прямо перед собой, но его локоть касался бока Тревиза. Тот не мог шевельнуться так, чтобы лейтенант не почувствовал этого.

Кар остановился у домика Тревиза в предместье Фликснера. Фловел устала от беспорядочной жизни, к какой принуждало Тревиза членство в Совете – так что он надеялся, что его никто не ждет.

– Теперь я могу идти? – спросил он.

– Я войду первым, советник. Мы проводим вас в дом.

– Для моей безопасности?

– Да, сэр.

За входной дверью оказались еще двое часовых. Ночь была светлая, но в окнах были матовые стекла, и снаружи ничего нельзя было разглядеть.

Тревиз было возмутился этим вторжением, но затем махнул рукой. Если даже в самом зале Совета он не нашел защиты, значит рассчитывать не на что.

– Сколько же вас тут у меня? Целый полк?

– Нет, советник, – сказал твердый голос. – Кроме тех. кого вы видите, есть только еще одна особа. И я жду вас достаточно долго. – В дверях гостиной стояла Харла Бранно, мэр Терминуса. – Вам не кажется что нам пора поговорить?

– Все это пустая болтовня…

Но Бранно перебила его низким властным голосом:

– Спокойно, советник. А вы, четверо, можете идти. Идите! Здесь все будет в порядке.

Четверо стражников откозыряли и повернулись на каблуках. Тревиз и Бранно остались одни.

МЭР Бранно ожидала уже около часа, устало размышляя. Строго говоря, они преступно вломились сюда. Более того, они совершенно неконституционно попирали права советника. По букве закона двухсотлетней давности – времен Индбура и Мула – она была виновной.

Именно в этот день, в эти двадцать четыре часа она не имела права на ошибку.

Бранно нервничала.

Первые два столетия считались золотым веком Основания, героической эрой – по крайней мере, в ретроспективе. Сальвор Хардин и Хобер Мэллоу были великими героями, обожествленными до такой степени, что соперничали с самим несравненным Хари Селдоном. Эти три человека составляли треножник, на котором покоилась вся легенда (и даже история) Основания.

В те времена Основание было ничтожным мирком с хилой властью над четырьмя королевствами и туманным представлением о протяженности, над которой план Селдона простер защищающую руку, оберегая от остатков мощной Галактической Империи.

И чем больше росла сила Основания как политической и коммерческой организации, тем менее значительными выглядели его правители и воины. Латан Девере был почти забыт. Если о нем и вспоминали, то лишь в связи с его трагической гибелью на рудниках, а не его успешную борьбу с Бель Риозом, успешную, но бесполезную.

Что же касается самого Бель Риоза, благороднейшего из противников Основания, то он тоже был забыт, заслоненный Мулом, который оказался единственным из врагов, сумевшим подорвать план Селдона, покорившим Основание и правившим им. Он был единственным великим врагом – и, собственно говоря, последним из Великих.

Мало кто помнил, что Мул был побежден, в сущности, одной особой – женщиной по имени Бейта Дарелл, и что она одержала свою победу без чьей-либо помощи и поддержки. Также было почти забыто и то, что ее сын и внучка, Торан и Аркадия Дарелл, погубили Второе Основание, оставив Основание – Первое Основание – главным и единственным.

В более поздние времена героических фигур уже не было. Герои усохли до размера обычных смертных. Даже Аркадия, составившая биографию своей бабушки, придала ее образу скорее романтические черты.

Позже не стало ни героев, ни романтических фигур. Калганская война, ставшая последним актом насилия в истории Основания, по существу, была небольшим конфликтом. Почти два столетия длился мир. Сто двадцать лет, на протяжении которых самым значительным происшествием становилась поломка корабля.

Это был добрый мир – чего Бранно не отрицала – выгодный мир.

Основание не организовало Вторую Империю – прошла всего лишь половина отмеренного Селдоном срока, – но оно как Основание Федерации крепко держало экономику на одной трети политически раздробленной Галактики и оказывало решающее влияние даже там, где не управляло. Мало было мест, где слова: «Я – с Основания» не встречали бы с почтением. Среди миллионов обитаемых миров не было никого выше рангом, чем мэр Терминуса.

Это все еще был титул. И хоть унаследован он был пятьсот лет назад от лидера единственного маленького и почти незаметного городка на одинокой планете в дальнем конце цивилизации, никто и не помышлял изменить его.

Только полностью забытый титул Императорского Величества мог соперничать с ним в смысле благоговения.

Но лишь на самом Терминусе власть мэра тщательно ограничивалась. Память об Индбурах еще сохранилась. Народ не мог забыть не столько их тиранию, сколько тот факт, что они прозевали Мула.

Здесь она, Харла Бранно, была самым сильным правителем после смерти Мула и всего пятой женщиной среди них.

Сейчас только она способна открыто пользоваться своей силой.

Она боролась за свою правоту с яростной оппозицией тех, кто мечтал о престиже Внутренней Галактики и об ареоле Императорской власти – и победила.

– Не сейчас! – говорила она. – Не сейчас! Слишком рано замыкаться, мы погибнем.

Появился Селдон и поддержал ее почти теми же словами. В глазах всего Основания это сделало ее на время равной по мудрости Селдону. Однако она знала, что рано или поздно все позабудут об этом.

И вдруг юнец посмел бросить ей вызов как раз в этот знаменательный день.

И он посмел быть правым!

Это было опасно. Он был прав! И его правота, могла разрушить Основание!

Сейчас они – один на одни.

Она печально упрекнула:

– Неужели вы не могли придти ко мне частным образом? Надо ли было выкрикивать все это в зале Совета в идиотском желании сделать из меня дуру? Что вы натворили, безмозглый мальчишка?

Тревиз почувствовал, что краснеет, и постарался обуздать злость. Мэр была пожилой женщиной, ей, кажется, было шестьдесят три года, и он не отважился на резкий спор, не решился повысить голос, на человека вдвое старше себя. К тому же, она была искушена в политической полемике и знала, что если с самого начала вывести противника из равновесия, сражение будет наполовину выиграно. Правда, такая тактика была эффективна только на публике, а здесь не было никого, перед кем человека можно было бы унизить.

Они были наедине.

Поэтому он игнорировал укор и постарался бесстрастно наблюдать. Она была старухой, носящей одежду бесполых фасонов, распространенную два поколения назад. Одеяние не украшало ее. Мэр, лидер Галактики – если там мог быть лидер – была просто старухой, которая легко могла бы сойти и за старика, если бы ее желто-серые волосы не были туго стянуты сзади, а лежали бы свободно в традиционно мужском стиле.

Тревиз подкупающе улыбнулся. Хотя старший противник бросил эпитет «мальчишка» как оскорбление, именно этот «мальчишка» имел преимущество юности и правильных взглядов и полностью сознавал и то, и другое. Он ответил:

– Верно. Мне тридцать два, и, следовательно, меня можно назвать мальчишкой. И я советник, следовательно, по должности безмозглый. Первое неизбежно, насчет второго – могу только пожалеть.

– Вы понимаете, что делаете? Вы стоите и пытаетесь острить. Сядьте. Включите свой мозг, если можете, и отвечайте мне разумно.

– Я знаю, что делаю. Я говорю правду, как я ее понимаю.

– Вы пытались бросить мне вызов в такой день! Как раз в тот день, когда мой престиж был настолько высок, что я смогла выгнать вас из зала Совета и арестовать, и никто не посмел даже пикнуть.

– Совет переведет дух и будет протестовать. Может быть, уже протестует. И он выслушает меня хотя бы из-за того, что меня подвергли преследованию.

– Никто вас не станет выслушивать, потому что если вы будете продолжать в том же духе, я буду продолжать обращаться с вами как с изменником, и закон полностью поддержит меня.

– Я все равно буду пытаться. Выступлю на суде.

– На это и не рассчитывайте. Чрезвычайные полномочия мэра огромны, хотя и редко применяются.

– На каком основании вы заявите о чрезвычайности?

– Основание я придумаю. Я достаточно изобретательна и не боюсь политического риска. Не торопите меня, молодой человек. Либо мы придем к соглашению немедленно, либо вы никогда не получите свободы. Вы рискуете провести оставшуюся жизнь в тюрьме! Я вам это гарантирую.

Они смотрели друг другу в глаза.

– Какого рода соглашение? – спросил Тревиз.

– А! Вы заинтересовались, тем лучше. Тогда возможен диалог. Изложите свою точку зрения.

– Вы ее хорошо знаете. Вы собрали всю грязь вместе с советником Кампером, ведь так?

– Я хочу услышать от вас!

– Прекрасно, если вы этого хотите, мадам мэр, – он чуть не сказал «старуха». – Слова Селдона слишком правильны, до невозможности правильны более пятисот лет. Если я не ошибаюсь, Селдон появляется в восьмой раз. И, по крайней мере, в одном случае, во времена Индбура III, то, что сказал Селдон, совершенно не совпало с реальностью, но это было во времена Мула, не так ли? А затем, во всех остальных случаях, он был прав, как и сейчас? – Тревиз позволил себе слегка улыбнуться. – Еще никогда, мадам мэр, насколько можно судить по записям прошлого, Селдон не описывал ситуацию настолько точно во всех деталях.

– Вы намекаете, – сказала Бранно, – что появление голографического изображения Селдона подделано; выступление Селдона подготовлено нашими современниками, например, мной, а роль Селдона играл актер?

– Все может быть, мадам мэр, но я не это имел в виду. Истина куда хуже. Я уверен, что мы видели изображение самого Селдона и что описание настоящего момента истории подготовлено им пятьсот лет назад. Я долго разговаривал с вашим человеком, Кодилом, он заботливо провел меня через шараду, в которой я, похоже, поддержал суеверия бездумных Основателей.

– Да, запись была использована, и будет использоваться еще, если понадобится, для того, чтобы Основание видело, что вы, в сущности, никогда не были в оппозиции. Тревиз развел руками.

– Но я в оппозиции. Плана Селдона нет в том смысле, в каком мы в него верим, и его не было, вероятно, уже два столетия назад. То, что мы видели в Капсуле Времени двенадцать часов назад, подтвердило мои подозрения.

– Потому что Селдон был слишком точен?

– Именно. Не улыбайтесь. Это последнее доказательство.

– Я не улыбаюсь, как видите. Продолжайте.

– Возможна ли такая непогрешимость? Двести лет назад его анализ происходящего был полностью ошибочен. Через триста лет после создания Основания Селдон промахнулся. Полностью!

– Советник, вы сами признали несколько минут назад, что в этом виновен Мул – мутант, обладавший невероятной властью мысли, он просто не мог быть учтен в плане.

– Однако он существовал – учтенный или нет. План Селдона сошел с рельсов. Мул правил недолго и не оставил наследника. Основание снова обрело независимость, но как? Каким образом план Селдона смог снова вернуться на прежний путь, в то время как его ткань была так непоправимо изорвана?

Бранно выглядела угрюмой и крепко сжимала руки.

– Вы знаете ответ. Мы – одно из двух Оснований. Вы читали книги по истории?

– Я читал Аркадию – биографию ее бабушки – это же обязательное чтение в школе, и я читал ее романы. Я читал официальную историю Мула и времени после него. Позволено ли мне сомневаться в ней?

– В каком смысле?

– Официально мы, Первое Основание, развивали физические науки. Мы действовали открыто, наше историческое развитие – знали мы об этом или нет – следовало плану Селдона. Однако было еще и Второе Основание, развивавшее науки психологические, включая психоисторию. А его существование было тайной даже для нас. Второе Основание занималось регулировкой течения галактической истории, если та сворачивала с тропы, начертанной планом.

– Вы, опять-таки, ответили сами, – сказала мэр. – Бейта Дарелл победила Мула, возможно, под влиянием Второго Основания, хотя ее внучка уверяла, что это не так. Однако Второе Основание приложило не мало усилий для того, что бы после смерти Мула галактическая история вернулась в русло плана. Это, бесспорно, удалось!

– Мадам мэр, если верить Аркадии Дарелл, ясно, что Второе Основание, пытаясь выправить галактическую историю, подорвало всю схему Селдона, поскольку в своих попытках оно разрушило собственную секретность. Мы, Первое Основание, поняли, что наше зеркальное отражение – Второе Основание – существует, и мы не могли жить с сознанием, что нами управляют. Мы старались найти Второе Основание и уничтожить его.

Бранно кивнула.

– Да, мы преуспели! Однако совершенно очевидно, уже после того, как Второе Основание твердо поставило галактическую Историю снова на рельсы, с которых ее столкнул Мул. И мы до сих пор на правильном пути.

– Вы верите этому? Местонахождение Второго Основания, судя по отчету, было обнаружено, благодаря некоторым его членам. Это произошло сто двадцать лет назад. В течение пяти поколений мы успешно обходились без Второго Основания, умудряясь оставаться настолько близко к намеченному пути, что и вы и изображение Селдона говорили почти одними словами.

– Это можно объяснить только тем, что я анализировала развитие истории с глубокой проницательностью.

– Простите, я не смею сомневаться в вашей проницательности, но мне кажется, есть более точное объяснение: Второе Основание не было уничтожено. Оно все еще управляет нами. Поэтому мы и вернулись на прежние рельсы.

Бранно удалось сохранить невозмутимый вид.

Наступило утро, и она очень хотела закончить побыстрее, но спешить не могла. Молодой человек, кажется, клюнул. Нельзя было допустить чтобы леска оборвалась. Ведь он мог еще послужить делу.

– Да? – переспросила она. – Значит, рассказ Аркадии и ее отчет о Калганской воине был фальшивкой? Выдумкой? Розыгрышем? Ложью?

Тревиз пожал плечами.

– Не совсем так… Допустим, отчет Аркадии был абсолютно правдив. Допустим, что произошло именно так, как она описала. Гнездо Второго Основания было обнаружено и уничтожено.

Но можем ли мы сохранять уверенность в том, что это было единственное гнездо? Второе Основание имело дело со всей Галактикой. Оно манипулировало с историей не только одного Терминуса или одного Основания. Зона его влияния включала не одну нашу планету или всю нашу Федерацию. Может быть связь с какими-нибудь членами Второго Основания тянулась на десятки парсеков. Разве мы могли взять их всех? А если мы кого-то упустили, можем ли мы говорить о победе? Мог ли Мул в свое время сказать это? Он захватил Тер-

минус и все планеты, которыми мы непосредственно управляли, но Независимые Торговые миры устояли. Он подмял Торговые миры – но остались три беглеца – Эблинг Мис, Бейта Дарелл и ее муж. Мул взял под контроль обоих мужчин – осталась Бейта. Если мы поверим романам Аркадии, Мул сделал это из сентиментальности. И этого оказалось достаточно. По версии Аркадии, только одной особе – Бейте – предоставили возможность действовать самостоятельно. Мул не смог установить местонахождение Второго Основания, в результате чего сам был уничтожен.

– В этом значимость одной личности, вопреки легендам, утверждающим, что индивидуум – ничто, а масса – все.

– А если мы упустили не одного члена Второго Основания, а несколько десятков – тогда что? Они опять соберутся, восстановят свои силы, найдут и обучат новых членов, а нас снова сделают статистами!

Бранно серьезно спросила:

– Вы верите в это?

– Убежден!

– Но скажите, советник, ради чего им беспокоиться? Зачем жалким остаткам цепляться за дело, которое никто не приветствует? Что заставляет их вести Галактику ко Второй Галактической Империи? И если, все же, маленькая группа настаивает на выполнении своей миссии, стоит ли нам тревожиться? Почему не принять план, испытывая благодарность за то, что они следят, как бы мы не сбились с пути?

Тревиз протер глаза. Несмотря на свою молодость, он, видимо, устал больше, чем мэр:

– Я не могу поверить! Вы серьезно полагаете, что Второе Основание делает это для нас? Что они, в некотором роде, идеалисты? Неужели вам с вашим знанием политики – практическим знанием – не ясно, что они делают это для себя?

Мы – отрезанный ломоть. Мы – машина, сила. Мы работаем, истекаем потом, кровью и слезами, а у них только контроль – тут поправить усилитель, тут поджать контакт – все это делается легко! И когда через тысячу лет этого тяжелого изнурительного труда мы воздвигнем Вторую Галактическую Империю, люди Второго Основания станут в ней правящей элитой.

– Значит, вы хотите отбросить Второе Основание? – переспросила Бранно.

– Пройдя полпути ко Второй Империи, вы хотите попытаться выполнить задачу только нашими силами, с помощью нашей собственной элиты. Так?

– Конечно! А разве вы не хотите этого же? Мы-то с вами не доживем до завершения, но у вас есть внуки, когда-нибудь они будут и у меня, у них будут внуки и так далее. Я хочу, чтобы они воспользовались плодами наших трудов, хочу, чтобы они видели в нас источник и восхваляли нас за то, что мы сделали. Я вовсе не хочу впасть в таинственную конспирацию, придуманную Селдоном – он не мой герой. Я бы даже сказал, что он страшнее Мула! О, Галактика, я хотел бы, чтобы Мул уничтожил план полностью и навсегда. Мы пережили бы Мула – ведь он тоже был смертным. Второе же Основание похоже – бессмертно.

– Но вы хотели бы разрушить Второе Основание, не так ли?

– Если бы я знал, как это сделать!

– А поскольку вы не знаете, то допускаете, что оно хочет уничтожить нас?

Тревиз помолчал.

– Я допускаю, что вы можете быть под их контролем. Ваши точные догадки насчет того, что скажет изображение Селдона и ваше последующее обращение со мной могли исходить от Второго Основания. Возможно, вы просто пустая раковина, которую заняло Второе Основание.

– Тогда зачем же беседовать со мной?!

– Если вы под контролем Второго Основания, я в любом случае пропал…

Хоть часть злости излить! А вообще-то, я склонен думать что вы не под контролем… Просто не знаете, что делаете!

– Что же, на этот раз вы не ошиблись. Да, я не нахожусь ни под чьим контролем, кроме своего собственного. Но у вас не может быть уверенности в моей правоте. Будь я под контролем, разве бы я призналась в этом? А может быть, я и сама не знаю, что я под контролем?

Нет смысла задаваться такими вопросами. Я уверена, что я не под контролем, и вам остается поверить в это. Давайте все обсудим. Если Второе Основание существует, то, конечно, их главнейшая забота – удостовериться, что никто в Галактике не знает об их существовании. План Селдона работает хорошо лишь в том случае, если пешки – то есть мы – не знают, каким образом он работает и каким образом ими манипулируют. Во времена Аркадии Второе Основание было уничтожено именно из-за того, что Мул сфокусировал на нем внимание Первого Основания. Может быть следовало сказать – почти уничтожено, советник?

Таким образом, можно сделать два вывода. Первый – мы вполне можем предположить, что их вмешательство минимально. Мы допускаем, что полностью взять верх над нами невозможно. Даже у Второго Основания, если оно, разумеется, существует, есть границы власти. Захватить что-то и позволить другим об этом догадаться – значит исказить план. Следовательно, мы можем заключить, что их вмешательство мягкое, не прямое, и значит, я вряд ли под контролем. И вы тоже.

– Это одно заключение, – заметил Тревиз, – и я, пожалуй, приму его, возможно, приняв желаемое за действительное. Каково же второе?

– Второй вывод прост и неизбежен – если Второе Основание существует, то достоверно лишь одно: всякий кто думает, что оно существует и говорит об этом, крича на всю Галактику, должен быть сразу и незаметно убран. С этими заключением вы тоже согласны?

– Поэтому вы и арестовали меня, мадам мэр? Защищаете меня от Второго Основания?

– В какой-то мере. Тщательная запись Лиона Кодила, раскрывающая ваше мировоззрение, будет опубликована не только для того, чтобы народ Терминуса и всего Основания не был чрезвычайно растревожен вашей глупой болтовней, но и для того, чтобы не насторожить Второе Основание, если оно существует. Я не хочу, чтобы оно обратило свое внимание на вас.

– Подумать только! – воскликнул Тревиз с тяжеловесной иронией. – Ради меня? Из-за моих прекрасных глаз?

Бранно неожиданно рассмеялась.

– Я еще не так стара, советник, чтобы не видеть ваших тридцати лет и ваших прекрасных карих глаз, и это могло бы стать достаточным мотивом. В то же время я и пальцем бы не шевельнула, ради спасения ваших глаз и всего остального, что у вас есть, если бы речь шла только о вас. Под угрозой моя жизнь и жизнь многих других, куда более умных и ценных, нежели вы, под угрозой все наши планы.

– Вот как? Значит вы верите, в существование Второго Основания, раз так бурно реагируете на возможность их отклика?

Бранно стукнула кулаком по столу.

– Конечно, верю, несчастный дурень! Если бы я не знала, что Второе Основание существует, если бы я не боролась с ним, стала бы я обращать внимание на вашу болтовню! Если бы Второго Основания не существовало, какая разница, что вы о нем говорите? Я еще несколько месяцев назад хотела заткнуть вам глотку, пока вы не выступили публично, но у меня не хватало политической власти, чтобы грубо обойтись с советником. Появление Селдона поддержало меня и дало власть – пусть временную – и как раз в этот момент вы выступили на Совете. Я сразу же стала действовать, и теперь убью вас без капли сожаления и не колеблясь ни микросекунды, если вы не сделаете то, что вам прикажут.

Весь наш разговор, заменивший мне заслуженный сон, предназначался для того, чтобы довести вас до точки, когда вы будете верить всему, что я скажу.

Поймите, что проблема Второго Основания дает мне достаточно веский повод остановить ваш мозг без суда.

Тревиз привстал со стула.

Бранно сказала:

– Нет, не делайте никаких движений. Я всего лишь старуха, как вы, без сомнения, называете меня про себя, но если вы поднимите на меня руку, вы умрете. За нами наблюдают мои люди, дурачок!

Тревиз сел и сказал потрясенно:

– Это бессмыслица. Если бы вы были уверены в существовании Второго Основания, вы не говорили бы об этом так свободно. Вы не подставляли бы себя под угрозу опасности, которая, по вашим словам, подстерегает меня.

– Тогда знайте, что у меня есть чуть больше здравого смысла, чем у вас. Иными словами, вы верите в существование Второго Основания, но говорите об этом открыто, потому что глупы. Я верю, что оно существует, и тоже говорю открыто – но только потому, что принимаю меры предосторожности. Поскольку вы, кажется, внимательно читали романы Аркадии, вы, наверное, помните ее рассказ об изобретении ее отцом «Статического Ментального Аппарата». Он служит щитом от мысленной власти, которой обладает Второе Основание. Этот прибор существует и сейчас. Он опробован в условиях строжайшей секретности.

В настоящее время ваш дом скрыт от любопытных глаз. Зная это, вы позволите мне рассказать о предстоящей вам миссии?

– Что это за миссия?

– Вы должны узнать, действительно ли все так, как мы с вами думаем. Вы должны узнать, существует ли Второе Основание, и если да, то где. Это означает, что вы не вернетесь до тех пор, пока у вас не будет полной информации; если вам нечего будет рассказать, вы не вернетесь совсем и население Терминуса уменьшится на одного дурака.

– Как можно искать не раскрывая истины? Меня просто убьют, а вы не станете мудрее.

– Так не ищите их, наивный вы ребенок! Ищите что-нибудь другое, а если встретитесь с ними, вряд ли они станут привлекать к себе внимание, – отлично! В этом случае пошлете сообщение на защищенной кодированной волне, а в награду вам позволят вернуться.

– Очевидно, у вас есть какой-то план?

– Конечно есть. Вы знаете Янова Пилората?

– Никогда о нем не слышал.

– Завтра вас познакомят. Он скажет, что следует искать, и полетит с вами на одном из самых быстроходных кораблей. Вас будет двое – вполне достаточно для риска. А если вы вздумаете вернуться, не предоставив необходимых сведений, корабль взорвется за парсек до Терминуса. Вот и все. Разговор окончен.

Она встала, посмотрела на свои морщинистые руки, медленно натянула перчатки и повернулась к двери. Там появились два стражника с оружием в руках. Они шагнули в стороны, пропуская ее. В дверях она обернулась.

– Снаружи – другие стражники. Не делайте ничего, что может встревожить их, иначе вы раньше времени избавите нас от забот о вашем существовании.

– В таком случае вы потеряете выгоду, которую я могу принести вам, – сказал Тревиз. Он надеялся, что его реплика прозвучала достаточно легкомысленно.

– Будем надеяться… – сказала Бранно, невесело улыбнувшись.

На улице ее ждал Лион Кодил.

– Я все слышал, мэр. Вы были исключительно терпеливы.

– Я исключительно устала. Этот день, наверное, длился семьдесят два часа. Теперь ваша очередь.

– Я займусь этим, но сначала скажите, над домом и вправду установлен Статический Ментальный Экран?

– Ну, Кодил, – устало сказала Бранно, – вы же прекрасно понимаете. О чем вы говорите, какая слежка! Не думаете же вы, что Второе Основание следит за всем, везде и всегда? Я – не романтический юноша Тревиз, он может так думать, я – нет. И даже если бы это было так, если бы глаза и уши Второго Основания были повсюду, разве наличие СМА не выдало бы нас сразу? Именно поэтому не следует показывать Второму Основанию, что против него имеется щит, до тех пор пока они не обнаружат область недоступную для мысленного контроля. Существование такого щита – тайна до тех пор, пока мы не будем готовы пользоваться им в полной мере. Это ценнее Тревиза и нас с вами.

Однако же…

Они дошли до наземного кара и Кодил сел за руль.

– Однако же?.. – напомнил он.

– Что? Ах, да… Однако же, этот молодой человек очень умен. Я несколько раз назвала его глупцом, чтобы поставить на место, но он отнюдь не так глуп… Он молод и читал слишком много романов Аркадии Дарелл, они и навели его на мысли о путях развития Галактики… Он быстро все схватывает, жаль будет потерять его…

– Вы уверены, что он погибнет?

– Абсолютно, – печально сказала Бранно. – Строго говоря, это даже лучше. Нам не нужны романтические юноши, стреляющие куда попало и в один миг разрушающие то, что создавалось веками. Кроме того, он послужит делу.

Привлечет внимание Второго Основания – опять же, если допустить, что оно существует и действительно оказывает давление на нас. И, пока Второе Основание будет заниматься им, оно, возможно, будет игнорировать нас. Мы от этого лишь выиграем. Можно надеяться, что заинтересовавшись Тревизом оно ненароком выдаст себя и тогда появится возможность принять контрмеры.

– Значит, Тревиз притянет молнию?

Губы Бранно скривились в улыбке.

– Верно, вот метафора, которую я искала. Он – наш громоотвод, поглощающий заряд и защищающий нас.

– А этот Пилорат тоже окажется на пути молнии?

– Он тоже может пострадать. Тут уж ничего не поделаешь.

Кодил кивнул.

– Ладно. Вы знаете, что Сальвор Хардин часто говаривал: «Никогда не позволяйте вашей морали удерживать вас от правильных поступков».

– В настоящий момент у меня нет никакой морали, – пробормотала Бранно. – У меня есть чувство физической усталости. Но все-таки… я могла бы перечислить массу людей, которыми пожертвовала бы куда охотнее, чем Голаном Тревизом. Красивый мальчик… Знаете ли… – Она не договорила, прикрыла глаза и задремала.

Историк

Лицо седовласого Янова Пилората, выглядевшего много старше своих лет, было бесстрастным. Среднего роста и веса, этот человек имел привычку двигаться не спеша и говорить медленно и осмотрительно.

Он никогда не выезжал с Терминуса (не совсем обычное поведение для человека его профессии). Пилорат и сам не знал, вел ли он сидячий образ жизни благодаря или вопреки увлечению историей.

Эта страсть овладела им совершенно неожиданно в возрасте пятнадцати лет, когда в период небольшого недомогания он взял книгу ранних легенд. В ней он нашел все время повторяющийся мотив о планете, одинокой и изолированной, которая даже не ведала о своей изоляции, поскольку не знала ничего другого.

Его недомогание сразу прошло. За два дня он трижды прочел книгу и встал с постели. На следующий день он сидел за компьютером, просматривая все записи, какие имелись в университетской библиотеке Терминуса. Именно такие легенды и занимали его с тех пор. Университетская библиотека не была обширной по этой тематике, но, став постарше, он открыл радость межбиблиотечных займов. Он имел отпечатки, полученные по гиперлучевым сигналам даже из таких отдаленных мест, как Ифния.

И вот, тридцать семь лет спустя, когда он уже стал профессором древней истории и начался его первый отпуск, он решил совершить космическое путешествие (первое в жизни!) на легендарный Трантор.

Первое космическое путешествие в таком возрасте для жителя Терминуса!

Пилорат прекрасно понимал, что его поведение необычно. Но он никогда не стремился выделиться странным поведением. Просто всегда случалось так, что когда он мог бы отправиться в космос, на пути его вставала какая-то новая книга, новые занятия, новые исследования, и он откладывал задуманное путешествие до тех пор, пока новое дело не иссякало, добавив еще один факт, размышление или гипотезу к той горе, которую он собрал. В итоге, его путешествие на Трантор так и не состоялось.

Трантор был столицей Первой Галактической Империи. Он являлся метрополией Императоров в течение двенадцати тысяч лет, а до этого был столицей самого значительного доимперского королевства, которое мало-помалу захватило или присоединило другие королевства и образовало Империю.

Трантор был городом, опоясывающим всю планету, городом, одетым в металл. Пилорат читал о нем в работах Гаала Доркина, посетившего его во времена самого Хари Селдона. Книга Доркина более не издавалась, и собственный экземпляр Пилората можно было продать за полугодовое жалование историка. Однако даже намек на такую сделку возмутил бы Пилората.

На Транторе Пилората интересовала Галактическая библиотека, которая во времена Империи называлась «имперской» и была величайшей в Галактике. Город был столицей самой крупной и самой населенной Империи, созданной за всю историю человечества. Это был единственный город-планета с сорокамиллиардным населением, и его библиотека собрала всю творческую мысль человечества, колоссальный банк знаний. Все это было введено в компьютерную память такой сложной системы, что для управления ею требовались эксперты.

Самое удивительное, что библиотека выжила. Пилорату это казалось невероятным. Когда Трантор пал и был разграблен почти два столетия назад, он подвергся ужасающему разрушению, и рассказы о несчастьях и смертях передовались из поколения в поколение, но библиотека уцелела, защищенная, как говорили, студентами университета, которые вос-

пользовались изобретенным оружием. Некоторые, правда, считали, что героизм молодежи был изрядно преувеличен.

Как бы то ни было, библиотека пережила период опустошений. Эблинг Мис вел свою работу в нетронутой библиотеке разоренного мира, когда почти обнаружил местонахождение Второго Основания (согласно версии, которой население Основания все еще верило, но к которой историки относились сдержанно). Три поколения Дареллов – Бейта, Торан и Аркадия – все в то или иное время побывали на Транторе. Однако Аркадия почему-то не посетила библиотеку и с тех пор хранилище знаний не посягало на галактическую историю.

Ни один из жителей Основания не был на Транторе на протяжении последних ста двадцати лет, но не было и никаких оснований предполагать, что библиотека прекратила существование. Воцарившийся в Галактике мир, служил доказательством этого. Уничтожение библиотеки, конечно, наделало бы шуму.

Библиотека оставалась древней и архаичной – как во времена Эблинга Миса – что само по себе было благом. Пилорат всегда мысленно потирал руки, когда думал о старой и забытой библиотеке. Чем древнее она, тем более вероятно, что в ней есть все необходимое для исследований. В мечтах, с замиранием сердца он входил в библиотеку и спрашивал: «Библиотека модернизирована? Вы не выкинули старые ленты или записи?». И всегда он воображал, как высохшие древние библиотекари отвечают: «Как было, профессор, так и осталось».

Теперь его мечта была близка к осуществлению. Сама мэр уверила его в этом. Откуда она узнала о его работе? Он мало публиковался. Очень немногое из того, что он сделал было достаточно весомым и заслуживающим публикации, а то, что появлялось – не замечалось. Но говорят, что Бранно знает все, что происходит на Терминусе, у нее глаза на кончике каждого пальца. Пилорат почти не верил этому, ведь если она знала о его работе, почему же раньше она не замечала ее ценности и не оказывала ему хотя бы небольшой финансовой поддержки?

«Почему-то, – думал он с горечью, – Основание смотрит только в будущее. Оно смотрит на Вторую Галактическую Империю и поглощено своей будущей судьбой. У него нет ни времени, ни желания оглядываться назад, на прошлое, и оно досадует на тех, кто это делает».

Конечно, жители Терминуса, в большинстве своем, недальновидны, но глупость не смахнешь как крошки со стола движением руки. Он поступит лучше: осуществит великий прорыв и когда-нибудь о нем будут вспоминать как о величайшем пионере.

Разумеется это означало (Пилорат был достаточно честен и самокритичен, чтобы не отрицать очевидное), что он и сам устремлен в будущее – будущее, в котором его ждет слава, как Хари Селдона. В сущности, он может стать даже заметнее. Ведь работа над ясно обозримым, пусть и тысячелетним будущим, не может сравниться с изучением далекого двадцатипятитысячелетнего прошлого.

И этот день настал.

Мэр сказала, что его день придет после появления изображения Хари Селдона. Это была единственная причина, по которой Пилорат заинтересовался кризисом Селдона, несколько месяцев занимающим умы всего Терминуса и всей Федерации.

Ему было совершенно безразлично, останется ли столица Федерации здесь, на Терминусе, или будет перемещена куда-нибудь. Теперь кризис был объявлен, причем, Пилорат не был уверен в победе Селдона…

Достаточно того, что Селдон появился, и этот день настал.

Чуть позже двух часов дня у изолированного домика на окраине Терминуса остановился наземный кар. Открылась задняя дверца, и из нее вышел человек в форме Корпуса Безопасности, за ним – молодой человек, а следом еще два охранника.

На Пилората это произвело сильное впечатление. Мэр не только знала о его работе, но и явно оценила ее важность. Его будущему спутнику дали почетный эскорт, а ему самому обе-

щали первоклассный корабль, который будет пилотировать этот компаньон. Очень лестно! Очень…

Домоуправительница Пилората открыла дверь. Молодой человек вошел, а двое стражников встали по обеим сторонам у входа. Через окно Пилорат увидел, что третий стражник остался снаружи и что подъехал еще один наземный кар.

Дополнительная охрана!

Странно!

Он повернулся к молодому человеку и с удивлением обнаружил, что знает его. Он видел его на снимках. Пилорат воскликнул:

– Вы – советник! Вы – Тревиз!

– Голан Тревиз. Верно. А вы профессор Янов Пилорат?

– Да, да. Значит, вы будете…

– Мы будем товарищами по путешествию, – деревянным голосом перебил его Тревиз. – По крайней мере, мне так сказали.

– Но вы не историк.

– Нет, не историк. Как вы сами сказали, я – советник, политик.

– Да-да. Но о чем я говорю? Я – историк, зачем нужен второй? Вы можете вести корабль?

– Безусловно!

– Прекрасно, именно это нам и нужно. Великолепно! Боюсь, что я не практик, и если вы – думающий, деятельный человек, то мы составим хороший экипаж.

– В данный момент, – сказал Тревиз, – мои идеи не отличаются блеском, но, похоже, у нас нет выбора, так что попытаемся стать хорошим экипажем.

– Тогда будем надеяться, что я перешагну свою неуверенность в отношении к космосу. Я, знаете ли, никогда не был там. Я – сурок, если можно так выразиться. Не желаете ли стакан чаю? Клауда, приготовь нам что-нибудь. Как я понимаю, пройдет еще несколько часов, прежде чем мы вылетим. Однако я готов хоть сейчас. У меня есть все необходимое для нас обоих. Мэр очень посодействовала. Ее интерес к проекту потрясающ!

– Значит, вы знаете о нем? – спросил Тревиз. – Давно?

– Мэр обратилась ко мне, – Пилорат слегка нахмурился, припоминая – две или три недели назад. Я был счастлив! А теперь, когда я отчетливо осознал, что мне нужен пилот, а не второй историк, – я в восторге, что моим спутником будете вы, мой мальчик.

– Две или три недели назад, – слегка растерянно повторил Тревиз. – Значит, она готовилась все это время. А я… – он замолчал.

– Простите?

– Ничего, профессор. У меня просто дурная привычка бормотать вслух. Вам придется кое к чему привыкнуть, если наше путешествие затянется.

– Конечно, оно затянется, – сказал Пилорат, подталкивая собеседника к столовой, где домоправительница уже приготовила чай. – Мэр сказала, что мы можем путешествовать сколько угодно, что перед нами вся Галактика, и куда бы мы не отправились, мы можем рассчитывать на фонды Основания. Правда, она просила, чтобы мы в этом отношении были разумными. Я, разумеется, обещал это. – Он хихикнул и потер руки. – Садитесь, мой дорогой друг, садитесь. Может быть, это наша последняя трапеза на Терминусе…

Тревиз сел.

– У вас есть семья, профессор?

– У меня есть сын. Он в университете Сантании. Кажется, он химик или что-то в этом роде. Он стал на сторону матери. Она уже очень давно оставила меня, так что, как видите, у меня нет ни обязательств, ни привязанностей.

Уверен, что и у вас нет… Берите сэндвичи, мой мальчик.

– В настоящее время я ничем не связан. Есть женщины, но они приходят и уходят.

– Да, да. Восхитительно, когда это начинаешь понимать. Еще более восхитительно, когда обнаруживаешь, что ничего не нужно воспринимать всерьез. Детей у вас нет?

– Никаких.

– Прекрасно! Вы знаете, я в самом деле в наипрекраснейшем настроении. Признаться, когда вы появились, я был ошеломлен. Но теперь я заметил, что вы чудесно поднимаете дух. Мне необходимо ощущать энтузиазм юности для того, чтобы проложить путь через Галактику. Мы ведь в поиске, вы ведь знаете?.. В замечательном поиске. – Пилорат воодушевился, хотя ни выражение лица, ни интонации вроде бы не изменились. – Ну, я полагаю, вам говорили насчет этого…

Тревиз нахмурился.

– Замечательный поиск?

– Ну да. Бесценная жемчужина скрывается среди десятков миллионов обитаемых миров Галактики, а у нас есть лишь слегка заметный след. Но если мы найдем ее, нас ждет невероятный успех. Если мы с вами выиграем этот приз, мой мальчик – извините, я должен был сказать – Тревиз, потому что не намереваюсь относиться к вам покровительственно – наши имена будут звенеть в веках до конца времен.

– Приз, о котором вы говорите, эта бесценная жемчужина…

– Я, кажется, заговорил в стиле Аркадии Дарелл – знаете, была такая писательница. Неудивительно, что вы выглядите оторопевшим. – Пилорат откинул голову назад, словно собираясь расхохотаться, но лишь улыбнулся. – Уверяю вас, ничего такого глупого и неосуществимого я не имел в виду.

– Но, если вы говорите не о Втором Основании, профессор, тогда О чем же?

Пилорат внезапно стал серьезен.

– А разве мэр не сказала вам? Странно, знаете ли. Я десятилетиями негодовал на наше правительство за его неспособность понять мою работу, а теперь мэр Бранно оказалась такой великодушной.

– Да, – заметил Тревиз, не пытаясь скрыть иронию в голосе, – эта женщина удивляет скрытой филантропией, но она ничего не говорила.

– Значит, вы не знаете о моих исследованиях?

– Простите, нет.

– Вам нечего извиняться. Все в порядке. Я не выставлялся напоказ. Ну, так я вам скажу: мы едем с вами искать – и найдем – потому что у меня в мозгу великолепные возможности – Землю.

Тревиз плохо спал в эту ночь. Он снова и снова обдумывал ловушку, которую старуха подстроила для него, и не находил выхода.

Он был отправлен в ссылку, и ничего не мог поделать. Старуха была тверда и неумолима, и даже не потрудилась как-то замаскировать не конституционность своих действий. Он был лишен прав и как советник, и как гражданин Федерации, а мэр не предприняла даже попытки признать свою вину.

А теперь еще Пилорат, этот старый ученый, который, похоже, не от мира сего, говорит ему об очаровательной старой даме, устроившей все за несколько недель…

Тревиз чувствовал себя мальчишкой.

Он выслан вместе с историком, который называет его «дорогим другом», и, кажется, не находит слов от радости, что начнет поиски – чего? Земли?!

Кажется, бабушку Мула звали так?

Конечно, он тут же спросил:

– Простите меня, профессор, но я полный профан в вашей области. Вам не покажется скучным объяснить мне простыми словами – что такое Земля?

Пилорат серьезно уставился на него, и, немного помолчав, сказал:

– Это – планета. Изначальная планета, на которой впервые появились человеческие существа.

Тревиз изумился.

– Впервые появились? Откуда?

– Ниоткуда. Это планета, на которой человечество развилось путем эволюции из низших животных.

Тревиз задумался, потом покачал головой.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

По лицу Пилората пробежало выражение досады. Он откашлялся.

– Было время, когда на Терминусе не было людей. Потом его заселили люди с других миров. Надеюсь, это вы знаете?

– Да, конечно, – нетерпеливо отозвался Тревиз. Ему не понравилось, что Пилорат вдруг перешел на поучающий тон.

– Прекрасно. Это справедливо и для всех других планет – Анакреона, Сантании, Калгана – для всех. Когда-то в прошлом, все они были колонизированы. Народ прибывал на них с других планет. Это справедливо также и для Трантора. В течение двадцати тысяч лет там возникли великие метрополии.

– А что же там было раньше?

– Пустота! Во всяком случае, человеческих существ там не было.

– Трудно поверить.

– Тем не менее – это так! Древние записи подтверждают это.

– Откуда же пришли люди, заселившие Трантор?

– Вот это-то точно и неизвестно. В туманной древности заселялись сотни планет, и теперь их народы рассказывают сказки о первом появлении человечества. Историки же пренебрегают сказками и размышляют о «Вопросе происхождения».

– А это что? Я никогда не слышал об этом.

– Не удивительно. Должен признать, теперь эта историческая проблема непопулярна, но во времена упадка Империи интеллектуалы проявляли к ней определенный интерес. Даже в мемуарах Сальвора Хардина есть упоминания об этом. Это вопрос об установлении местонахождения одной планеты, с которой все началось. Если мы заглянем в глубь веков, отсчитывая время вспять, то увидим, как человечество перетекает с недавно освоенных миров в более древние, до тех пор, пока все не сконцентрируется на одной планете – изначальной. Тревиз сразу же заметил явную брешь в рассуждениях.

– А не могло быть много первоначальных планет?

– Конечно, нет. Все человеческие существа в Галактике единого образца. Один род не может возникнуть на разных планетах. Это совершенно невозможно.

– Откуда вы знаете?

– Во-первых, – Пилорат поднял палец, но затем, как видно, подумав, сколь долгим и трудным будет объяснение, опустил руку и сказал с жаром:

– Мой дорогой друг, даю вам честное слово.

Тревиз церемонно поклонился.

– Я и не думал сомневаться в нем, профессор Пилорат. Пусть первоначальная планета одна, но разве не могут сотни других претендовать на эту честь?

– Не только могут, но и претендуют. Но все эти претензии беспочвенны.

Ни одна из сотен планет не внушает доверия в смысле приоритета, потому что на них нет и следа докосмического общества, никаких намеков на существование организмов, предшествующих человеку.

– Значит, вы считаете, что первоначальная планета есть, только она по каким-то причинам не заявляет о себе?

– Вы попали в самую точку.

– И вы летите искать ее?

– Мы летим. Это наша миссия. Мэр Бранно все устроила. Вы поведете наш корабль на Трантор.

– На Трантор? Но вы ведь только что сами сказали, что первоначальная планета – Земля. Почему мы не летим туда?

– Я не совсем точно выразился. Земля – легендарное название. Оно содержится в древних мифах, но это не означает, что я уверен в его правильности. Может быть было удобно пользоваться коротким словом, как синонимом «планета, откуда произошел человеческий род». Но какая именно планета в реальном пространстве определена нами как «Земля» – неизвестно.

– А на Транторе знают?

– Я надеюсь найти там эту информацию. На Транторе находится крупнейшая в Галактической системе библиотека.

– Конечно, эта библиотека была перерыта теми людьми, которые, как вы говорили, интересовались «Вопросом происхождения» во времена Первой Империи.

Пилорат задумчиво кивнул.

– Да, но, возможно, недостаточно хорошо перерыта. Я изучил многое о «Вопросе происхождения», чего имперцы не знали. Я могу с большим пониманием просматривать старые записи. Я долго размышлял над этим. У нас больше шансов.

– Я думаю, вы говорили обо всем этом мэру Бранно, и она одобрила?

– Одобрила? Мой дорогой, она пришла в восторг. Она сказала, что Трантор – именно то место, где нужно искать необходимое мне.

– Не сомневаюсь, – пробормотал Тревиз.

Это было частью того, что занимало его в эту ночь. Мэр Бранно послала его узнать все возможное о Втором Основании. Она послала его с Пилоратом, чтобы замаскировать истинную цель мнимыми поисками Земли – поисками, которые могут привести Тревиза в любое место Галактики. Это отличное прикрытие, и он поражался изобретательности мэра.

На Трантор? Какой смысл в этом? Попав на Трантор, Пилорат тут же отправится в Галактическую библиотеку и оттуда не вылезет. Бесконечные штабеля книг, фильмов, лент, бесчисленные компьютерные записи и символические изображения, конечно, Пилорат никогда не захочет их оставить.

Кроме того…

Эблинг Мис когда-то был на Транторе во времена Мула. Говорили, что он определил местонахождение Второго Основания, но умер, не успев раскрыть секрет. Но осталась Аркадия Дарелл, и ей удалось найти Второе Основание. Она нашла его на самом Терминусе, и гнездо Второго Основания было уничтожено.

Теперь Второе Основание может быть где угодно, и чем ему может помочь Трантор? И если ему, Тревизу, нужно искать Второе Основание, то он должен лететь в любое другое место, только не на Трантор.

Кроме того…

Он не знал, каковы были планы Бранно на будущее, но не желал подыгрывать ей. Бранно выбрала Трантор – отлично! Значит, они не полетят туда.

Только перед рассветом Тревиз, наконец, забылся.

Следующий день после ареста Тревиза был очень удачным для Бранно. Ее превозносили сверх всяких мер, а об инциденте никто даже не упомянул.

Ясно, что Совет скоро очнется от паралича, посыпятся вопросы.

Необходимо действовать быстро. Вот почему отложив в сторону кучу дел, она занялась делом Тревиза.

В то время, как Тревиз беседовал с Пилоратом о Земле, Бранно встретилась с Манн Ли Кампером в своем кабинете. Когда тот непринужденно сел за стол напротив нее, она еще раз оценивающе оглядела его.

Он был меньше ростом и тоньше Тревиза и всего на два года старше его.

Оба были свежеиспеченными советниками, молодыми и дерзкими, но лишь это объединяло их, во всем остальном они были совершенно разными.

Там, где Тревиз, казалось, излучал пылающую энергию, Кампер сиял почти безоблачной самоуверенностью. Может быть, дело было в его светлых волосах и голубых глазах, редких среди жителей Основания.

Они придавали ему почти женскую изысканность, что, по мнению Бранно, делало его менее привлекательным для женщин, чем Тревиз. Кампер явно гордился своей внешностью, следил, чтобы его длинные волосы были тщательно уложены волнами.

Он накладывал легкие голубые тени под бровями, чтобы подчеркнуть цвет глаз (тени разных оттенков стали модными среди мужчин в последние десять лет).

Он не был бабником. Он спокойно жил со своей женой, но не стремился стать отцом, и никаких тайных подружек за ним не числилось. Это тоже отличало его от Тревиза, который менял любовниц так же часто, как и перчатки кричащих тонов, которыми он славился.

Кодил знал о каждом из молодых людей все, и сам сейчас смиренно сидел в углу комнаты, как всегда, в удобном кресле.

– Советник Кампер, – сказала Бранно, – вы оказали большую услугу Основанию, но, к сожалению, и к несчастью для вас, это не то, за что вознаграждение можно получить публично или в общем порядке.

Кампер улыбнулся. У него были белые ровные зубы, и Бранно мимолетно подумала, все ли обитатели сектора Сириуса выглядят также. Слухи о происхождении рода Кампера из особого, удаленного района шли от его бабки по материнской линии. У нее тоже были светлые волосы и голубые глаза, и она уверяла, что ее мать была из сектора Сириуса. Однако, по сведениям Кодила, твердого подтверждения этому не было.

– Женщины есть женщины, – говорил Кодил. – Она вполне могла приписать себе далеких экзотических предков, чтобы прибавить очарования своей удивительной красоте.

– Все женщины таковы? – сухо спросила тогда Бранно, и он с улыбкой пробормотал, что имел в виду обычных женщин.

Кампер успокоил ее:

– Вовсе необязательно, чтобы люди Основания знали о моей услуге. Вы знаете – этого достаточно.

– Я знаю и буду помнить о ней. Но должна предупредить: не считайте, что ваш долг полностью выполнен. Вы начали сложную игру, придется продолжать и дальше. Мы желаем знать о Тревизе больше.

– Но я рассказал вам все!

– Вы хотели бы уверить меня в этом. Очень возможно, что вы сами этому верите, тем не менее, отвечайте на мои вопросы. Знаете ли вы джентльмена по имени Янов Пилорат?

Кампер наморщил лоб, но тут же разгладил его и осторожно ответил:

– Может, я и узнал бы его, если бы увидел, но это имя не вызывает никаких ассоциаций.

– Он – ученый.

Губы Кампера округлились в безразличное «О», словно он удивлялся, как мэр может думать, что он знает всех ученых.

– Пилорат, – сказала Бранно, – интересная личность, у него есть причины посетить Трантор. Советник Тревиз будет сопровождать его. Теперь, поскольку вы были другом Тревиза, и лучше всех знаете строй его мыслей, скажите: как по-вашему, Тревиз согласиться лететь на Трантор?

– Если Тревиз сядет на корабль, а корабль полетит на Трантор, что останется Тревизу? Не думаете же вы, что он поднимет мятеж и захватит корабль?

– Вы не поняли. Он и Пилорат будут на корабле вдвоем, причем управлять кораблем будет Тревиз.

– Значит, вас интересует, полетит ли Тревиз добровольно?

– Да.

– Мадам мэр, откуда мне знать, что он сделает?

– Советник Кампер, вы были близки с Тревизом, вы знаете, что он верит в существование Второго Основания. Он никогда не делился с вами догадками о его местонахождении?

– Никогда, мадам мэр.

– Как вы думаете, он найдет его?

Кампер хихикнул.

– Я думаю, Второе Основание, каким бы оно ни было значительным, уничтожено еще во времена Аркадии Дарелл. Я верю ее рассказу.

– В самом деле? В таком случае, почему вы выдали своего друга? Если он собирался искать несуществующее, какой вред он мог причинить, распространяя свои эксцентричные теории?

* * *

– Повредить может не только правда, – сказал Кампер. – Пусть его теории смешны, но они могут вызвать волнения на Терминусе, породить сомнения насчет роли Основания в великой драме Галактической Империи. Ясно, что вы и сами так думали, иначе бы не схватили его прямо на Совете и не послали бы без суда в ссылку. Могу я вас спросить, мадам мэр, почему вы так поступили?

– Наверное, я излишне осторожна, и если есть хотел один шанс на то, что он прав, советник становится опасным.

Кампер ничего не сказал. Бранно продолжила:

– Разделяю ваше мнение, но мое положение обязывает учитывать все возможности. Позвольте снова спросить, есть ли у вас какие-либо мысли насчет того, где, по мнению Тревиза, находится Второе Основание, и куда он может направиться?

– Никаких.

– Он никогда не делал намеков на этот счет?

– Конечно, нет.

– Никогда? Не спешите с ответом, подумайте.

– Никогда, – решительно подтвердил Кампер.

– Ни шуток? Ни глупых замечаний? Никаких мысленных абстракций, которые приобретают значение немного спустя?

– Ничего. Я говорил вам, мадам мэр, его мечты о Втором Основании, в основном, расплывчаты, как звездный свет. Вы это знаете и напрасно теряете время на эмоции, интересуясь этим.

– А вы, случайно, не перекинулись на другую сторону и не защищаете ли теперь друга, которого сами отдали в мои руки.

– Нет, – ответил Кампер. – Я отдал его вам по причинам, как мне казалось честным и патриотическим. У меня нет оснований жалеть о содеянном и менять мои мнения.

– Значит, вы не можете мне помочь?

– Как я уже говорил…

– Однако, советник, я должна знать, куда он полетит.

– В таком случае, я думаю, вы должны установить на его корабле гиперреле.

– Я думала об этом, советник, но он человек подозрительный и, пожалуй, обнаружит его, как бы надежно его не спрятали. Конечно, прибор можно поставить так, что его нельзя будет убрать, не повредив при этом корабль, и Тревизу придется оставить его на месте…

– Отличная идея!

– Если не считать того, что тогда Тревиз будет ограничен в перемещении. Он не полетит туда, куда полетел бы, если бы считал себя свободным и неконтролируемым. И я не узнаю, куда именно он хотел направиться.

– В таком случае вы, видимо, так и не узнаете этого.

– Могу узнать, потому что намереваюсь быть примитивной. Человек, ждущий чего-то изощренного и принимающий против этого все меры, никогда не подумает о простом. Я подыскала провожатого для Тревиза.

– Провожатого?

– Именно. Другой пилот на другом корабле. Вы поражены? Тревиз тоже был бы удивлен. Но его корабль не снабжен нашими последними масс-детекторными приборами.

– Мадам мэр, – заметил Кампер, – при всем моем уважении к вам я должен подчеркнуть, что вам не хватает опыта космических полетов. Посылать корабль-преследователь – такого никогда не делалось, потому что это не сработает. Тревиз скроется при первом же гиперпространственном прыжке. Даже если он не будет знать, что его преследуют, все равно первый же прыжок позволит ему оторваться от сопровождающего. Если на борту корабля не будет гиперреле, его не выследить.

– Согласна, опыта у меня нет. Не в пример вам и Тревизу, я не изучала навигацию. Тем не менее, мне говорили мои консультанты, если за кораблем следят непосредственно перед прыжком, скорость и ускорение дают возможность угадать общее направление. Преследователь, располагающий хорошим компьютером и обладающий здравыми суждениями, может дублировать прыжок настолько точно, что ухватит След, особенно если у него есть хороший масс-детектор.

– Один раз такое и может произойти, – энергично возразил Кампер, – может два, если преследователю очень повезет, но и только. Нельзя полагаться на такое везение!

– Как знать… Советник Кампер, вы ведь совершали подобные Прыжки? Вы – превосходный пилот и демонстрировали поразительное мастерство, когда на соревнованиях преследовали конкурента. Как видите, я знаю о вас, знаю достаточно много.

Кампер выпучил глаза и заерзал в кресле.

– Тогда я был еще в колледже. Теперь я уже стар.

– Не слишком стары. Вам всего тридцать пять. Вы и пойдете за Тревизом, советник. Куда он, туда и вы, и будете рапортовать мне. Вы вылетите сразу же после Тревиза, а он стартует через несколько часов. Советник, если вы откажетесь от этого задания, вас посадят за измену. Если вы провалите преследование – не трудитесь возвращаться. При такой попытке вы будете уничтожены в космосе.

Кампер резко вскочил на ноги.

– У меня сложившийся образ жизни. У меня работа! У меня жена! Я не могу бросить все это.

– Можете. Те, кто служит Основанию, должны быть готовы служить ему в любое время, в продолжительных неуютных условиях, если это потребуется.

– Моя жена, конечно, полетит со мной?

– Вы считаете меня полной идиоткой? Разумеется она конечно останется здесь.

– Как заложница?

– Если вам так угодно… Я предпочла бы сказать, что вас ждут опасности, а я от всего сердца желаю вашей жене остаться здесь, где ей ничего не грозит. Оставим споры. Вы также под арестом, как и Тревиз, и я уверена, вы понимаете, что я вынуждена действовать быстро, пока эйфория, охватившая Терминус, не иссякла. Боюсь, что моя звезда скоро закатится.

– Вы были суровы с ним, мадам мэр, – заметил Кодил. Мэр фыркнула.

– Не собираюсь любезничать с ним. Он предал своего друга.

– Для вашей же пользы.

– Да, и такое случается. Но следующей его измены не должно быть.

– Разве она может произойти?

– Ну, Кодил, – недовольно сказала Бранно, – не притворяйтесь. Тот, кто проявил двуличие, всегда вызывает подозрения!

– Он может договориться с Тревизом. И вдвоем они…

– Вы сами не верите тому, что говорите. Тревиз со своей глупостью и наивностью идет прямо к цели. Он никогда не понимал измены и никогда, ни при каких обстоятельствах, не поверит больше Камперу.

– Простите меня, мэр, но позвольте мне удостовериться, что я следую за вашей мыслью. Насколько вы можете верить Камперу? Откуда вы знаете, что он последует за Тревизом и будет честно рапортовать? Вы рассчитываете, что страх за благополучие жены удержит его. Рассчитываете на его желание вернуться к ней?

– Оба эти фактора играют немалую роль, но я рассчитываю не только на них. На корабле Кампера будет гиперреле. Тревиз подозревает слежку и станет искать прибор у себя, а Кампер – преследователь, ему нечего опасаться слежки и вряд ли он станет выискивать. Конечно, если он, все-таки, попытается и найдет, нам останется рассчитывать только на его чувства к жене.

Кодил захохотал:

– И подумать только, что я когда-то давал вам уроки! Какова цель слежки?

– Двойная защита. Если Тревиз попадется, возможно, Кампер продолжит дело и даст нам информацию, которую уже не сможет дать Тревиз.

– Еще один вопрос: что будет, если Тревиз найдет Второе Основание и у нас появятся доказательства его существования, несмотря на гибель обоих?

– Я надеюсь, Лион, что Второе Основание существует. В любом случае, план Селдона устарел. Великий Хари Селдон изобрел его в дни заката Империи, когда развитие технологии практически остановилось. Селдон же был продуктом своего времени, и, как бы ни была блестяща эта полумифическая наука психоистория, она не могла расти вне своих корней. Она, безусловно, не учитывала быстрого развития технологии. Основание не стояло на месте, особенно последние столетия. У нас есть масс-детекторные приборы, которые и не снились раньше, компьютеры, реагирующие на мысль, и, самое главное – щит, защищающий от воздействия на психику. Второе Основание более не может контролировать нас. Я хочу в свой последний год власти поставить Терминус на новый путь.

– А если Второго Основания нет?

– Тогда мы перейдем на этот путь немедленно!

Тревожный сон Тревиза длился недолго. Уже второй раз кто-то дотрагивался до его плеча. Тревиз поднялся, не в силах сообразить, почему он в чужой постели.

– Что?.. Что?..

Пилорат извиняющимся тоном сказал:

– Простите, советник Тревиз, вы – мой гость, и мой долг – дать вам отдохнуть, но здесь мэр.

Он стоял у постели во фланелевой пижаме и слегка вздрагивал. Сознание Тревиза начало пробуждаться. Он вспомнил все.

Мэр находилась в гостиной и выглядела спокойно, как всегда. Пощипывая белые усы, рядом стоял Кодил.

Тревиз застегивал пояс и думал, надолго ли эти двое – Бранно и Кодил – могут оставаться порознь. Он насмешливо спросил:

– Совет еще не оправился? Его члены обсуждали отсутствие одного из них?

– Признаки жизни есть, – ответила мэр, – но их недостаточно, чтобы что-то изменилось в лучшую для вас сторону. Впрочем, это не имеет значения, потому что у меня еще достаточно власти, чтобы заставить вас уехать отсюда. Вы отправляетесь с дальнего космопорта…

– Не с космопорта Терминус, мадам мэр? Я буду лишен личного прощания с тысячами рыдающих?!

– Я вижу, вы снова обрели склонность к глупому зубоскальству, очень рада! Это свидетельствует о возвращении сознания. С удаленного космопорта вы улетите спокойно.

– И безвозвратно?

– Возможно, и безвозвратно. Конечно, – она слегка улыбнулась, – если вы обнаружите нечто настолько интересное, важное и полезное, что даже я буду рада вашему возвращению – вас будут встречать с почетом!

Тревиз кивнул.

– Это может случиться.

– Случиться может почти все. Во всяком случае, вас ждет комфорт. Вы приписаны к недавно построенному мини-крейсеру «Далекая Звезда», названному так в честь крейсера Хобера Мэллоу. Им может управлять один человек, хотя он рассчитан на троих.

Тревиз стряхнул с себя тщательно подготовленное состояние легкой иронии.

– С полным вооружением?

– Невооруженный, но превосходно оборудованный. Где бы вы ни оказались, вы будете гражданами Основания и везде сможете обращаться к консулу, так что оружие вам не потребуется. При необходимости можете требовать денег. Конечно, в разумных пределах.

– Вы щедры.

– Я это знаю, советник. Но поймите меня. Вы помогаете Пилорату искать Землю. Чтобы вы ни думали искать – вы ищите Землю. Все, с кем бы вы ни встретились, должны усвоить это. И никогда не забывайте, что «Далекая Звезда» не вооружена.

– Я ищу Землю, – повторил Тревиз. – Я прекрасно понимаю.

– Тогда можете отправляться.

– Простите, но мы еще не договорились о самом главном. В свое время я водил корабли, но у меня нет никакого опыта обращения с последней моделью мини-крейсера. Вдруг я не смогу вести его?

– Мне доложили, что «Далекая Звезда» полностью автоматизирована. Вам не надо уметь управлять кораблем, он сам сделает то, что вам нужно. Вы нуждаетесь в чем-нибудь еще?

Тревиз с грустью оглядел себя.

– В смене одежды.

– Вы найдете ее на борту. Все, включая пояса, какие вы носите, или кушаки, или как они там называются. Профессор тоже будет снабжен всем необходимым. Все разумно необходимое уже на борту, но спешу добавить, что женщины в этот список не входят.

– Очень жаль, – сказал Тревиз. – Это не помешало бы, но все равно сейчас у меня нет ни одной подходящей кандидатуры. Я надеюсь, что Галактика заселена, и я смогу делать, что захочу, как только улечу отсюда.

– В смысле подружек? Ваша воля. – Мэр тяжело поднялась. – Я не поеду провожать вас в космопорт, но кое-кто поедет, поэтому постарайтесь не делать ничего глупого. Если вы попытаетесь бежать, вас убьют, а меня не будет рядом, чтобы воспрепятствовать.

– Я не сделаю ничего неразрешенного, мадам мэр, кроме одного…

– Да?

Тревиз немного помолчал и произнес, стараясь улыбаться как можно непринужденнее:

– Придет время, мадам мэр, когда вы попросите меня кое о чем. Тогда я поступлю по собственному выбору, но припомню вам эти два последних дня.

Бранно вздохнула:

– Избавьте меня от мелодрам. Если такое время придет – пусть приходит, но сейчас я не прошу у вас ничего.

Космос

Корабль выглядел даже более изящно, чем ожидал Тревиз, вспоминая рекламу нового класса крейсеров.

Он не поражал размерами, скорее казался миниатюрным; отличался маневренностью, скоростью, гравитационными устройствами и, главное, бортовым компьютером последнего образца. Большие размеры свели бы на нет все преимущества.

Судно легко управлялось одним пилотом, что выгодно отличало его от прежних кораблей с экипажем в двадцать и более человек. С двумя, тремя людьми, разделившими обязанности, такой корабль мог отбиться от целой флотилии более крупных кораблей. Вдобавок, он мог обогнать любой из существующих кораблей.

Крейсер представлял собой умеренно вытянутую капсулу обтекаемой формы.

Весь его объем максимально использовался и, как ни парадоксально, внутри было просторно. Что бы не твердила мэр о важности миссии, она произвела на Тревиза куда меньше впечатления, чем корабль, на котором предстояло выполнить эту миссию.

Он печально подумал о том, что Бронзовая Бранно вытолкала его в опасное путешествие исключительной важности. Можно было бы не Соглашаться с таким приговором, но она так ловко все подстроила! Ему захотелось показать, на что он способен.

Что касается Пилората, то пожилого человека переполняло удивление.

– Поверите ли, – говорил он, прикасаясь пальцами к корпусу корабля, – ведь я никогда даже рядом не был с космическим кораблем?

– Конечно, верю, профессор, раз вы так говорите, но как это вы ухитрились?

– Честно признаться, и сам не знаю, дорогой др… я хотел сказать, дорогой мой Тревиз. Я думаю, это связано с моим исследованием. Если у человека дома есть превосходный компьютер, способный установить контакт с любым компьютером в Галактике, вряд ли захочется куда-то двигаться, знаете ли. Однако, я предполагал, что космический корабль будет гораздо крупнее…

– Это маленькая модель, но зато внутри его гораздо просторнее, чем в любом другом, я имею в виду – другой корабль такого же размера.

– Так не бывает! Вы смеетесь надо мной?

– Нет, нет, я серьезно. Это один из первых кораблей, снабженных гиперпространственным двигателем.

– Что это значит? Только вы, пожалуйста, не объясняйте, если это требует знания физики. Я поверю вам на слово, как вы поверили мне вчера насчет единого прототипа всего человечества и одной первоначальной планеты.

– Давайте я все же попробую, профессор Пилорат. Все тысячелетия космических полетов у нас были химические двигатели, гиператомные – ужасно громоздкие. Старый Императорский флот имел корабли Пятисотметровой длины, а жизненного пространства в них было не больше, чем в маленькой квартире. К счастью, Основание все столетия своего существования специализировалось в миниатюризации из-за недостатка материальных ресурсов. Этот корабль – кульминация. Он использует гравитационные силы, а приборы, делающие это возможным, встроены в корпус и не занимают места. Если бы не это, мы бы до сих пор пользовались гиператомными…

К ним подошел страж Безопасности.

– Пора садиться, джентльмены!

Небо посветлело, хотя солнце должно было взойти еще только через полчаса. Тревиз оглянулся.

– Мой багаж погружен?

– Да, советник, корабль полностью экипирован.

– Одежда, надеюсь, моего размера и в моем вкусе?

Страж улыбнулся и вдруг стал выглядеть почти мальчишкой.

– Думаю, да, – сказал он. – Мэр заставила нас работать сверхурочно последние три-четыре часа, а мы с вами одинаковой комплекции. – Он оглянулся, как бы проверяя, не заметил ли кто-нибудь его неожиданного дружелюбия. – Вам обоим здорово повезло. Лучший корабль в мире! Полностью оборудован, за исключением оружия. Вы будете прямо как сыр в масле кататься.

– Возможно, в прогорклом масле, – заметил Тревиз. – Ну, профессор, вы готовы?

– Готов, – ответил Пилорат, поднял квадратную кассету со стороной около тридцати сантиметров и упаковал ее в чехол из серебристого пластика.

Тревиз внезапно вспомнил, что ученый держал ее, когда они выходили из дома, перекладывая из руки в руку, и ни разу не положил, даже когда они наскоро остановились перекусить.

– Что это, профессор?

– Моя библиотека. Она снабжена указателями, и я все это уместил на одну кассету. Если вы считаете корабль чудом, что вы скажете насчет этой кассеты? Вся библиотека! Все, что я собрал! Восхитительно! Великолепно!

– Ну, – заметил Тревиз, – мы и впрямь катаемся, как сыр в масле.

Тревиз был восхищен внутренним устройством корабля. Пространство использовалось с исключительной изобретательностью. Там была кладовая с запасами пищи, одежды, фильмов, игр. Был гимнастический зал, гостиная и две почти идентичные спальни.

– Эта, – сказал Тревиз, – наверное, ваша, профессор. Во всяком случае, здесь есть считывающее устройство.

– Хорошо, – с удовлетворением сказал Пилорат. – Каким же я был ослом, что до сих пор избегал космоса! Я мог бы жить здесь, мой дорогой Тревиз, в полном довольстве.

– Здесь свободнее, чем я предполагал, – с удовольствием констатировал Тревиз.

– А приборы и в самом деле в корпусе, как вы говорили?

– Во всяком случае контрольные. Нам не нужны запасы топлива. Мы черпаем их из основного запаса энергии Вселенной, так что топливо и все машины – долой!

– Ну, а я вот думаю: вдруг что-нибудь пойдет не так?

Тревиз пожал плечами.

– Я изучал космическую навигацию, но не на подобных кораблях. Если произойдет что-то с гравитацией – боюсь, я ничего не смогу сделать.

– Но вы сможете вести этот корабль?

– Сам задумываюсь.

– Вы предполагали, что это автоматический корабль. Можем мы быть просто пассажирами? Можем ли мы надеяться, что будем просто сидеть здесь?

– Такое случается при перегонке корабля между планетами и космическими станциями внутри планетных систем, но я никогда не слышал об автоматическом межзвездном путешествии.

Он снова огляделся и легкая волна страха пробежала по спине. Неужели эта старая ведьма? Неужели Основание автоматизировало и межзвездные перелеты, и он, Тревиз, хочет он того или нет, и сказать-то что-нибудь по этому поводу сможет не больше, чем вся остальная утварь на борту.

Он произнес с воодушевлением, которого не чувствовал:

– Садитесь, профессор. Мэр уверяла, что корабль полностью компьютеризован. Если в вашей комнате есть компьютер для чтения, то в моей должен быть компьютер-пилот. Устраивайтесь, как вам удобнее, а мне разрешите чуточку оглядеться.

Пилорат слегка встревожился:

– Тревиз, мой дорогой… вы не уйдете с корабля?

– Отнюдь не собираюсь, профессор. А если бы и попытался, можете быть уверены – меня остановят. Мэр не позволит мне уйти! Я всего лишь хочу узнать, как управлять «Далекой Звездой». – Он улыбнулся. – Я не брошу вас, профессор.

Он все еще улыбался, когда входил в свою спальню, но его лицо сделалось печальным, как только дверь мягко закрылась за ним. Конечно, здесь должны быть средства связи с планетой. Невозможно представить, что корабль намертво отрезан от окружения. Значит, где-то, может быть, в стенной нише должен быть передатчик. Можно вызвать офис мэра и спросить насчет управления.

Он тщательно осмотрел стены, изголовье кровати, гладкую, хорошо сделанную мебель. Если здесь ничего не окажется, он пройдет по всему кораблю.

Он уже собирался выйти, когда боковым зрением заметили отблеск на гладкой коричневой поверхности стола, круг света и на нем надпись: КОМПЬЮТЕР ИНСТРУКЦИЙ…

Ага!

Внезапно его сердце тревожно забилось. Здесь полно компьютеров, а программы и у профессионала отнимают массу времени. Тревиз никогда не преуменьшал собственных способностей, но настоящим специалистом в этой области себя не считал. Часть людей была с подобной техникой на ты, другая – нет, и Тревиз отлично понимал, к какой из этих групп он относится.

Временно находясь во флоте Основания, он достиг звания лейтенанта, иной раз бывал дежурным офицером и имел возможность пользоваться корабельными компьютерами, но он никогда не занимался программами и вообще не знал о компьютере ничего, кроме обычных действий, которые требовались от дежурного офицера.

С ощущением слабости он вспомнил о томах описания программ, вспомнил действия техника-сержанта Крейснига над пультом корабельного компьютера.

Техник играл на нем, как на самом сложном музыкальном инструменте, и делал это с небрежным видом, словно ему надоедала простота машины, но, тем не менее временами заглядывал в тома, в замешательстве поругивая себя.

Тревиз неуверенно дотронулся до светового круга, и яркое пятно неожиданное растянулось на весь стол. На нем появились очертания двух рук – правой и левой. Столешница неожиданно наклонилась под углом в сорок пять градусов.

Тревиз сел за стол. Слов не требовалось – было ясно, что он должен делать.

Он положил руки на контуры, которые теперь расположились удобно для него. Крышка стола оказалась теплой и мягкой, почти бархатистой – его руки погрузились в нее.

Он ошеломлено уставился на кисти: нет, они вовсе не погрузились, они были на поверхности, он видел их своими глазами, однако создавалось ощущение, что ладони прошли сквозь поверхность стола и что-то удерживало их мягко и тепло.

Все? А что дальше?

Он интуитивно прикрыл глаза.

Молчание… Ничего.

Внезапно, внутри его мозга, словно блуждающая мысль, возникла фраза:

«Пожалуйста, закройте глаза. Расслабьтесь. Мы наладим связь».

Через руки?

Тревиз почему-то всегда думал, что если человек мысленно общается с компьютером, то это происходит через шлем, напичканный электродами.

И вдруг руки!

А почему бы и нет? Тревизу казалось, что он плывет, почти дремлет, не теряя, однако, мысленной активности. Руки…

Глаза всего лишь органы чувств. Мозг – не более чем распределительный щит, упакованный в кость и убранный с рабочей поверхности тела. А руки – рабочая поверхность, они чувствуют и управляют Вселенной.

Человеческие существа думают руками. Руки отвечают на любопытство. Они ощущают, трогают, поворачивают, поднимают, определяют вес. Есть животные со значительным объемом мозга, но у них нет рук и в этом вся разница.

И когда Тревиз и компьютер взялись за руки, их мысли слились, и уже не имело значения, открыты или закрыты глаза Тревиза. Открытые, они не улучшали его зрения, закрытые – не затуманивали его.

В обоих случаях он видел комнату совершенно отчетливо – не только ту ее часть, на которую он смотрел, но и все вокруг, наверху и внизу.

Он видел все помещение корабля, и одновременно, так же хорошо, его корпус. Взошло солнце, и Тревиз мог смотреть прямо на него, глаза не слепило, потому что компьютер автоматически фильтровал световые волны.

Тревиз чувствовал легкий ветер и температуру, слышал звуки мира вокруг.

Он определял магнитное поле планеты и крошечные электрические заряды на обшивке корабля.

Он начал понимать контрольные приборы корабля, даже не зная их деталей.

Он знал только, что если захочет поднять корабль, повернуть дать ему ускорение или использовать еще какие-либо его возможности, процесс будет тот же, как если бы он требовал аналогичных действий от своего тела. Он должен пользоваться только волей.

Однако его воля не была безграничной. Компьютер мог взять над ней верх.

В настоящий момент в его голове сложилась фраза, и он точно знал, когда и как корабль взлетит. В этом смысле не было никаких сложностей, но Тревиз твердо знал, что в дальнейшем он сам сможет принимать решения.

Он обнаружил – когда отключился от своего усиленного компьютером сознания – что чувствует состояние верхних слоев атмосферы, может наблюдать за характером погоды, может определять другие корабли, находящиеся над ним или под ним. Все это следовало учитывать, и компьютер учел. Тревиз сообразил: если компьютер что-то не сделал, стоит только захотеть и все будет сделано.

Никаких томов инструкций здесь не было. Тревиз вспомнил о технике-сержанте Крейсниге и улыбнулся. Он достаточно часто читал, какую революцию произведет в мире использования гравитации, но слияние компьютера с мозгом все еще оставалось государственной тайной. Это – совершенно другой уровень!

Он знал время. Он точно знал, который час по местному времени Терминуса и по Стандартному Галактическому.

А как ему отойти от пульта управления?

Едва эта мысль пришла в голову, как руки освободились, крышка стола приняла нормальное положение, и Тревиз остался наедине со своими беспомощными чувствами.

Он чувствовал себя слабым и уязвимым, потому что недавно его защищало и поддерживало высшее существо, а теперь неожиданно покинуло… Это ощущение могло бы довести его до слез, если бы он не знал, что в любой момент может возобновить контакт.

Он встряхнулся для переориентировки и восстановления привычного восприятия, затем неуверенно вышел из комнаты.

Выглянул Пилорат. Он явно наладил своего «Чтеца», потому что сказал:

– Отлично работает. Превосходная поисковая программа. Вы нашли управление, мой мальчик?

– Да, профессор, все в порядке.

– В таком случае, нам необходимо что-нибудь предпринять перед стартом? Я хочу сказать для самозащиты. Пристегнуться ремнями или еще что-то? Я искал инструкцию, но ничего не нашел, и это волнует меня. Так я бы вернулся к своей работе. Знаете ли, когда я за работой…

Тревиз протянул к профессору руки, словно возводя запруду, способную остановить поток его слов, и сам громко заговорил:

– Ничего этого не нужно, профессор. Антигравитация – это эквивалент отсутствия инерции. При изменении скорости ускорение не чувствуется, потому что все на корабле одновременно подвергается изменению.

– Вы хотите сказать, что мы не заметим, когда поднимемся и окажемся в космосе?

– Именно это я и хочу сказать! Пока мы разговаривали, взлет остался позади. За несколько минут мы пройдем через верхние слои атмосферы и меньше чем через полчаса будем а открытом космосе.

Пилорат, казалось, съежился, пристально глядя на Тревиза. Его длинное прямоугольное лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, но фигура тревожно сжалась.

Тревиз вспомнил, как он сам чувствовал себя во время первого полета за пределы атмосферы. Он сказал как можно более развязно:

– Янов, – он впервые обратился к профессору столь фамильярно, но в данном случае опытность обращалась к неопытности, и Тревизу было необходимо показать себя здесь старшим, – мы в полнейшей безопасности. Мы в металлическом брюхе военного корабля флота Основания. Мы не полностью вооружены, но в Галактике нет такого места, где имя Основания не служило бы защитой. Даже если какой-нибудь корабль задумает напасть на нас, мы вмиг скроемся от него. И, уверяю вас, я обнаружил, что могу отлично управлять кораблем.

– Но ведь подумать только, Го… Голан, пустота…

– Ну, дорогой профессор, – пустота везде вокруг Терминуса. Только, когда мы на поверхности, между нами и этой бездной лежит тонкий слой атмосферы. А сейчас мы всего лишь проходим через эту незначительную прокладку.

– Пусть он незначительный, но мы им дышим.

– Мы дышим и здесь. Причем, воздух на корабле и сейчас, и потом будет чище, чем природная атмосфера Терминуса.

– А метеориты?

– Что – метеориты?

– Атмосфера защищает нас от них, и от радиации тоже.

– Человечество, – сказал Тревиз, – путешествует через космос, кажется, двадцать тысячелетий…

– Двадцать два. А если считать по Хелбукской хронологии…

– Ладно! Вы когда-нибудь слышали о несчастных случаях связанных с метеоритами или о радиационной смерти – последнее время, я хочу сказать? На кораблях Основания?

– Вообще-то, я не следил за газетами в этом плане, но ведь я историк, мой мальчик, и…

– В истории – да, такие вещи случались, но технология совершенствуется. Не существует метеоритов способных повредить нам, да они и не смог ли бы приблизиться незаметно. Четыре метеорита, идущие на нас одновременно из вершин четырехугольника, могли бы, предположительно, продырявить корабль, но расчет показывает, что вы триллион триллионов раз умрете от старости, прежде чем у вас появится полшанса увидеть столь интересный феномен.

– Вы хотите сказать – если вы будете управлять судном?

– Нет, – насмешливо ответил Тревиз. – Если я буду бегать к компьютеру полагаясь на собственные чувства и реакцию, нас ударит прежде, чем я пойму, что случилось. Компьютер сам все обработает, причем в тысячу раз быстрее, чем вы или я – Он резко протянул руку. – Пойдемте, Янов, я покажу вам, что может делать компьютер, я покажу, на что похож космос.

Пилорат уставился на него слегка испуганно, а затем хохотнул:

– Я не уверен, что хочу знать, Голан.

– Конечно, я понимаю, Янов, ведь вы не знаете, чего ожидать. Подумайте! Пойдемте со мной!

Тревиз взял Пилората за руку и не столько повел, сколько потащил старика.

– Видели ли вы когда-нибудь Галактику, Янов? – Сев перед компьютером, спросил он. – Смотрели ли вы на нее когда-нибудь?

– Вы имеете в виду в небе?

– Да, конечно. Где же еще?

– Видел. Все видели. Если человек смотрит, то он видит.

– А вы когда-нибудь смотрели на небо в светлую спокойную ночь, когда Диаманты за горизонтом?

К «Диамантам» относились несколько звезд, достаточно ярких и достаточно близких, чтобы умеренно освещать ночное небо Терминуса. Это была небольшая группа, распространявшаяся в ширину не более чем на двенадцать градусов и большую часть ночи находившаяся за горизонтом. В стороне от этой группы были разбросаны тусклые звезды, почти неразличимые невооруженным глазом. И больше не было ничего, кроме слабой молочности Галактики – большего не мог видеть житель Терминуса, находящегося на самом краю дальнего витка галактической спирали.

– Наверное, да. Но на что там смотреть. Обычное зрелище.

– Конечно, обычное, – сказал Тревиз, – поэтому никто и не смотрит. Зачем смотреть на то, что видишь каждый день? Но сейчас вы увидите Галактику не с Терминуса, где ее скрывают вечные облака и туман. Вы увидите то, чего никогда бы не увидели с Терминуса, как бы вы не глядели, как бы ни была чиста и черна ночь. Хотелось бы мне, чтобы я, подобно вам, никогда не был в космосе, и теперь впервые бы увидел Галактику в ее нагой красоте. – Он подвинул Пилорату стул. – Садитесь, Янов. Это займет некоторое время. Я буду привыкать к компьютеру. Из того, что я уже ощущал, я знаю, что зрелище голографично, так что нам не нужно экрана. Это будет прямой контакт с моим мозгом и я думаю, что смогу воспроизвести объективное изображение, которое увидите и вы. Не выключить ли свет? Нет, постойте, это я сморозил глупость. Все сделает компьютер. Оставайтесь на месте.

Тревиз вступил в контакт с компьютером, тепло и ласково держась с ним за руки.

Свет потускнел, затем погас совсем. Пилорат зашевелился в темноте.

– Не нервничайте, Янов, – сказал Тревиз. – Мне еще трудновато управлять, но я охотно начну, если вы будьте терпеливы. Вы видите?

Полумесяц.

Он висел в темноте перед ними. Сначала несколько тусклый и мерцающий, постепенно приобретающий яркость и резкость.

– Это Терминус? – с дрожью спросил Пилорат. – Мы так далеко от него?

– Да. Корабль перемещается быстро.

Корабль двигался в ночной тьме Терминуса, который выглядел толстым ярким полумесяцем. У Тревиза появилось мимолетное побуждение послать корабль по широкой дуге, чтобы он показал им дневную сторону планеты во всей красоте, но удержался. Это не было бы слишком новым для Пилората, и красота оказалась бы банальной: слишком много фотографий, карт и глобусов.

Каждый ребенок знает, как выглядит Терминус из космоса. Водная планета. Богатая морями и бедная минералами. Хороша для сельского хозяйства, плоха для тяжелой промышленности, но лучшая в Галактике по технологии и миниатюризации.

Если компьютер будет использовать микроволны и передаст их в режиме визуализации, путешественники увидят каждый из десяти тысяч населенных островов Терминуса и единственный из них, достаточно большой, чтобы называться континентом, где расположен город Терминус…

– Убрать!

Это была только мысль, упражнение воли, но изображение тут же изменилось. Светящийся полумесяц сдвинулся к краю и исчез из видимости. Все заполнила тьма беззвездного пространства.

Пилорат откашлялся.

– Я хотел бы, чтобы вы вернули Терминус обратно, мой мальчик. Мне кажется, что я, вроде, ослеп. – Его голос звучал напряженно.

– Вы не ослепли. Смотрите!

В поле зрения появился легкий полупрозрачный туман. Он распространялся, становился ярче, пока не засияла вся комната.

– Сжать!

Еще одно упражнение для воли, и Галактика удалилась. Она сжалась и стала структурой различной яркости.

– Ярче!

Не изменив размера, Галактика стала ярче, и так как звездная система, к которой принадлежал Терминус, была над галактической плоскостью, была видна не полностью. Она представляла собой резко обрисованную двойную спираль, изогнутую, с темно-туманными трещинами, прочеркивающими сверкающий край Терминуса. Молочная дымка ядра, удаленного и сжатого расстоянием, казалась несущественной.

Пилорат выдохнул тихо и благоговейно:

– Вы правы. Я никогда не видел ничего подобного. Я никогда не думал, что у нее столько деталей.

– Откуда вам было знать? Вы не можете видеть другую половину Галактики, когда между вами и ею атмосфера Терминуса. С поверхности планеты вы едва разглядите ядро.

– Какая жалость, что мы видим ее только спереди.

– Это не важно. Компьютер может показать ее в любой ориентации. Мне стоит только выразить желание – даже не вслух.

«Сменить координаты!».

Упражнение воли не несло точной команды, однако изображение Галактики стало медленно меняться. Мозг Тревиза вел машину, и она делала то, что он хотел.

Галактика медленно повернулась, так что ее можно было видеть под прямым углом к галактической плоскости. Она вытянулась, подобно сверкающему гигантскому водовороту с дугами тьмы, узлами яркого света и центральным пламенем.

Пилорат спросил:

– Как может компьютер видеть ее из такого положения в космосе, из положения, которое находится более чем в пятидесяти тысячах парсеков отсюда? – И затем добавил задыхающимся голосом: – Пожалуйста, извините мое любопытство. Я ничего не знаю обо всем этом.

Тревиз ответил:

– Об этом компьютере я знаю так же мало, как и вы. Но даже простой компьютер может менять координаты и показывать Галактику в любом положении, начиная с того, которое может считаться нормальным по отношению к положению компьютера в космосе. Конечно,

он всего лишь использует имеющуюся информацию, и при изменении бортовой точки видимости, в изображении появляются пробелы и пятна. В данном же случае…

– Да?

– Мы имеем великолепное зрелище. Я подозреваю, что компьютер набит всевозможными картами Галактики, и способен видеть с любого угла одинаково легко.

– Как составляется полная карта?

– В память компьютера вводят координаты каждой звезды.

– Каждой? – Пилорат был потрясен.

– Ну, может быть, не все триста миллиардов. Должны включаться звезды, дающие свет на обитаемые планеты, это уж обязательно, и, вероятно, звезды спектрального класса «К» и ярче. Это значит – семьдесят пять миллиардов, по крайней мере.

– Каждая звезда населенной системы?

– Может, и не все. В конце концов, во времена Хари Селдона было двадцать пять миллионов обитаемых планет – это вроде бы громадное количество, но на каждые двенадцать есть только одна звезда. Спустя пять столетий после Селдона общий развал Империи не способствовал дальнейшей колонизации. Очевидно, осталось еще полно планет пригодных для обитания, и теперь обитаемых миров, возможно, миллионов тридцать. Вполне вероятно, что не все эти новые миры внесены в память.

– А старые? Они, конечно, должны быть все без исключения?

– Думаю, да. Гарантировать не могу, конечно, но я был бы удивлен, если бы какая-то давно колонизированная планета была упущена. Позвольте мне показать вам что-нибудь, если мои способности в управлении компьютером могут зайти достаточно далеко.

Руки Тревиза слегка напряглись и как бы глубже вошли в ладони компьютера. Это не было обязательным: ему было достаточно спокойно и небрежно подумать: Терминус!

Он подумал, и в ответ появился искрящийся бриллиант на самом краю водоворота.

– Это наше солнце, – возбужденно сказал он. – Звезда, вокруг которой вертится Терминус.

– Ох, – произнес Пилорат с тихим дрожащим вздохом.

Яркая желтая точка света возникла в скоплении звезд глубоко в центре Галактики, но в стороне от центральной дымки. Она была, пожалуй, ближе к тому краю Галактики, где находился Терминус.

– А это, – сказал Тревиз, – солнце Трантора.

Еще один вздох, и Пилорат поинтересовался:

– Вы уверены? Всегда говорили, что Трантор находится в центре Галактики.

– В каком-то смысле это так и есть. Он настолько близок к центру, насколько планета может находиться, оставаясь обитаемой. Трантор ближе к центру, чем любая другая большая населенная система. Истинный центр Галактики состоит из черной дыры массой почти в миллион звезд, так что центр – это яркое место. Насколько нам известно, там нет жизни и, вероятно, быть не может.

Трантор – на внутреннем витке спирали, и поверьте мне, если бы вы видели его ночное небо, вы подумали бы, что он в центре Галактики. Снаружи он окружен мощным скоплением звезд.

– Вы были на Транторе, Голан? – спросил Пилорат с оттенком чистой зависти.

– Нет, но я видел голографические изображения его неба.

Тревиз сумрачно смотрел на Галактику. В великом поиске Второго Основания во времена Мула все играли с галактическими картами, и на этот счет было написано множество томов и сделано множество снимков.

И все это потому, что Хари Селдон сказал в самом начале, что Второе Основание будет устроено «на другом конце Галактики», там, «где кончаются звезды».

На другом конце Галактики!

Как только Тревиз подумал об этом, в поле зрения появилась голубая линия, тянущаяся от Терминуса через центральную черную дыру Галактики к другому ее концу. Тревиз прямо подскочил: он не заказывал эту линию, но представил ее себе очень ярко, этого оказалось достаточно для компьютера.

Но, конечно, прямая линия, идущая к противоположной стороне Галактики, не обязательно указывала «другой конец», о котором говорил Селдон. Аркадия Дарелл, если можно верить ее автобиографии, сказала фразу: «Круг не имеет конца», и все приняли это за истину.

И хотя Тревиз старался подавить эту мысль, компьютер оказался слишком проворным: голубая линия исчезла и вновь появилась в виде кольца вокруг Галактики, которое прошло через красную точку солнца Терминуса.

Круг не имел конца, а если круг начинался на Терминусе, он им же и кончался, и тогда Второе Основание действительно было найдено Оно жило в том же мире, что и Первое.

Но если в действительности его не нашли, если так называемая находка Второго Основания была иллюзией, тогда что? Что – кроме прямой линии и круга может иметь смысл?

– Вы тренируете воображение? – спросил Пилорат. – Почему здесь голубой круг?

– Просто я проверяю свой контроль. Хотели бы вы найти Землю?

Наступила напряженная пауза, затем Пилорат спросил:

– Вы шутите?

– Нет, я попробую.

Он попробовал, но ничего не вышло.

– Простите…

– Ее там нет? Нет Земли?

– Может, я плохо обдумал свою команду… хотя не похоже. Вероятно, Земля просто не числится в памяти компьютера…

– Может, она числится под другим названием? – предположил Пилорат.

– Какое другое название, Янов? – быстро спросил Тревиз.

Пилорат не ответил, и Тревиз улыбнулся в темноте. Ему пришло на ум, что именно и могло прийти. Надо обдумать, дать мысли созреть. Он намеренно сменил тему:

– Хотел бы я знать, можем ли мы управлять временем.

– Как это возможно?

– Потребовалось почти полмиллиарда лет, чтобы Терминус прошел один раз по большой окружности Галактики. Звезды, находящиеся ближе к центру, выполняют это путешествие много быстрее.

Движение каждой звезды относительно центральной черной дыры может быть зарегистрировано в компьютере, а если так, наверное, компьютер может ускорить каждое движение в миллионы раз, и сделать его видимым. Попробую…

Он не смог расслабить мышцы от напряжения, посылая волевое усилие, словно сам держал Галактику, ускорял ее движение, заставлял кружиться, несмотря на невероятное сопротивление.

Галактика двигалась. Медленно, постепенно она изгибалась в направлении, которое должно было сжать ветви спирали.

Время неслось стремительно – симмитированное, искусственное время – и, пока оно шло, звезды начали исчезать.

Некоторые звезды краснели и становились ярче, превращаясь в красных гигантов. Затем звезда в центральном скоплении вдруг беззвучно взрывалась слепящим пламенем, на долю секунды затмевая Галактику, и исчезала.

Затем то же произошло с другой в одном из завитков спирали, потом с третьей, находящейся неподалеку.

– Сверхновая, – вздрогнув, сказал Тревиз.

Возможно ли, чтобы компьютер мог точно предсказать, какая звезда взорвется и когда? Или он просто пользуется упрощенной моделью для показа будущего в общих чертах?

Пилорат хрипло прошептал:

– Галактика выглядит как живое существо, ползущее через пространство.

– Так оно и есть, – согласился Тревиз. – Но я здорово устал. Пока я не научусь делать это без напряжения, не смогу долго играть в такие игры.

Он ослабил волю. Галактика замедлила движение, затем остановилась, двинулась обратно, пока не оказалась в той точке, откуда на их глазах стартовала.

Тревиз закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он сознавал, что Терминус уменьшился под ними, последние струйки атмосферы вокруг них исчезли.

Он знал обо всех кораблях в ближайшем пространстве Терминуса. Но ему не пришло в голову проверить, нет ли чего-нибудь особенного в одном из этих кораблей – не был ли какой-нибудь из них таким же гравитационным, как и «Далекая Звезда». А ведь один действительно шел по такой же траектории и был куда ближе, чем допускала простая случайность.

Оратор

Трантор!

В течение восьми тысяч лет он был столицей громадного и политически мощного единства, связавшего растущий союз планетарных систем. В течение последующих двенадцати тысяч лет он был столицей политического единства, связывающего всю Галактику. Он был центром, ядром, олицетворением Галактической Империи.

Нельзя было подумать об Империи, не вспомнив о Транторе.

Трантор достиг пика развития, когда Империя уже стала клониться к закату. В сущности, никто не замечал, что Империя теряла свою напористость, свое стремление вперед, потому что Трантор светился сияющим металлом.

Его развитие достигло высшей точки, когда он стал городом-планетой. Его население стабилизировалось (законодательно) на сорока пяти миллиардах.

Единственная растительность оставалась у императорского дворца, комплекса Галактического университета и библиотеки.

Вся поверхность Трантора была одета в металл. Его пустыни и плодородные районы одинаково были поглощены, и превратились в переполненные жилые кварталы, в административные джунгли, компьютеризированные предприятия, в склады пищевых продуктов и запасных частей. Горы были срыты, пропасти засыпаны. Бесконечные коридоры, прорытые под континентальными шельфами и под океанами, стали громадными цистернами аквакультур – единственным (и незначительным) источником пищи и минералов.

Связи с Внешними Мирами, откуда Трантор получал необходимые ему ресурсы, осуществлялись через тысячу космопортов с десятью тысячами военных кораблей, сотней тысяч торговых судов и миллионами космических фрахтовщиков.

Не было ни одного большого города, существовавшего так же прочно. Не было в Галактике планеты, которая в такой мере использовала бы солнечную энергию и энергию ветра, предельно избавляя себя от расходования тепла.

Сверкающие радиаторы поднимались в верхние слои атмосферы на ночной стороне и опускались в город – на дневной. При вращении планеты, радиаторы поднимались с наступлением ночи и опускались с зарождением дня. Таким образом, Трантор всегда имел искусственную асимметрию, и это стало его символом.

В то время Трантор правил Империей.

Он правил плохо, но ничто не могло править ею лучше. Империя была слишком велика. Как мог Трантор удерживать Империю, когда в столетия упадка императорская корона переходила то к скользким политикам, то к некомпетентным группам, а бюрократия стала почвой для коррупции?

Но даже в самые худшие времена была какая-то ценность у этой структуры.

Галактическая Империя не могла существовать без Трантора.

Империя неуклонно разрушалась, но, пока существовал Трантор, оставалось ядро Империи, оно поддерживало в людях чувство гордости, ощущение золотого века, традиций, власти и экзальтации.

Только когда случилось немыслимое – когда Трантор окончательно пал и был разграблен, когда миллионы его жителей были убиты, а миллиарды умирали с голоду, когда его мощное металлическое покрытие было содрано, пробито и прострелено атаками варварского флота – только тогда Империя признала свое поражение. Великий мир уничтожил сам себя, и через поколение Трантор трансформировался из величайшей планеты человеческой расы в невообразимое скопище развалин.

Это было почти два с половиной столетия назад. В остальной Галактике еще не забыли, каким был Трантор. Он навеки остался как излюбленное место действия исторических романов, символ и память прошлого, любимое слово в поговорках, вроде: «Все звездные корабли приземляются на Транторе», «Не больше сходства, чем между тобой и Трантором».

А во всей остальной Галактике…

Но отнюдь не на самом Транторе!

Там старый Трантор был позабыт. Металлическая поверхность исчезла почти повсеместно. Теперь Трантор был скудно заселен полуразоренными фермерами, торговые звездолеты приходили редко, их встречали не слишком приветливо.

Само слово «Трантор» выпало из народной речи, хотя и употреблялось в официальной. Жители Трантора теперь называли его на своем диалекте «Дам», что на Галактическом Стандартном означало «Дом».

Квиндор Шандисс думал обо всем этом, когда спокойно сидел в приятном состоянии полудремы и позволил своему мозгу следовать за неорганизованным потоком мыслей.

Он был Первым Спикером Второго Основания в течение восемнадцати лет и вполне мог продержаться еще лет десять-двенадцать, если его мозг останется разумным и энергичным и если он сможет продолжать участие в политических битвах.

Он был аналогом, зеркальным отражением мэра Терминуса, которая правила Первым Основанием, но различия между ними были огромны.

Мэр Терминуса – особа известная всей Галактике, и поэтому Первое Основание было просто Основанием для всех миров. Первый Спикер Второго Основания был известен лишь своим партнерам.

Однако именно Второе Основание под управлением его предшественников и его самого обладало реальной властью. Первое Основание было величайшим в области физических наук, технологии, оружия; Второе Основание было величайшим в сфере ментальной власти, в способности управлять мозгом. При любом конфликте между двумя Основаниями могло ли иметь значение количество кораблей и оружия у Первого Основания, если Второе могло контролировать мозг тех, кто будет управлять этими кораблями и этим оружием?

Но как долго оно сможет наслаждаться сознанием своей тайной власти?

Шандисс был двадцать пятым Первым Спикером, и его обязанности были надежным щитом. Может быть, ему следовало не так энергично держаться за них и допустить более молодых претендентов? Был Спикер Джиндибел, самый энергичный и передовой в списке. Сегодня вечером они должны встретиться, и Шандисс подумает об этом. Не стоит ли ему также подумать и о том, что в один прекрасный день Джиндибел заменит его?

Ответ на этот вопрос ясен – Шандисс всерьез не думал оставлять пост.

Он слишком радовался своему положению.

Несмотря на свой преклонный возраст, он все еще отлично справлялся со своими обязанностями Волосы оратора поседели, но он всегда подкрашивал их и коротко подстригал, чтобы краска не была заметна Глаза у него были бледно-голубые, одевался он в тусклокоричневую одежду в стиле фермеров Трантора. Первый Спикер мог бы, при желании, сойти за одного из народа Хемиш, но его скрытая власть, тем не менее, существовала Он мог сфокусировать мозг в любое время, и тогда Хемиш могли сливаться с его волей а потом ничего не помнить об этом. Это случалось редко, можно сказать – никогда. Золотое правило Второго Основания гласило «Ничего не предпринимай, пока не настало время, когда время пришло – подумай и взвесь»

Первый Спикер вздохнул Жизнь в старом университете, колоссальные развалины старого императорского дворца неподалеку заставляли иной раз задуматься, каким образом появилось Золотое правило. Во времена Великого Грабежа Золотое правило натянулось до точки разрыва. Не было возможности спасти Трантор, не пожертвовав при этом выполне-

нием плана Селдона на установление Второй Империи. Спасти сорок пять миллиардов было гуманным делом, но спасти их без сохранения ядра Первой Империи было нельзя, это только бы отсрочило расплату. Последовало бы еще большее разорение через несколько столетий, и, возможно, Вторая Империя никогда. Раньше Первые Спикеры работали над предсказанным десятилетия назад. Разграблением, но не нашли решения – невозможно было одновременно обеспечивать и спасение Трантора, и возможное установление Второй Галактической Империи.

Избрали меньшее зло – и Трантор погиб!

Людям Второго Основания того времени удалось – с величайшим трудом – спасти комплекс университет-библиотека, и это тоже легло на них вечной виной. Хотя никто никогда не доказал, что спасение комплекса привело к ментальному подъему Мула, но всегда присутствовало ощущение связи между этими событиями. Как близко было разрушение всего!

Тем не менее, спустя десятилетия после Разграбления и прихода Мула настал Золотой Век Второго Основания. До этого, после смерти Селдона, люди Второго Основания на два с половиной столетия зарылись, как кроты, в хранилища библиотеки, занимаясь только путями восстановления Империи. Они служили библиотекарями в разлагающемся обществе, но меньше всего заботились о Галактической библиотеке, и она, в конце концов, вышла из употребления, что лучше всего служило цели Второго Основания. Это была постыдная жизнь. Они просто хранили план, в то время как на другом конце Галактики Первое Основание сражалось за свое существование против все увеличивающегося количества врагов без всякой помощи со стороны Второго Основания и, в сущности, даже не зная о нем Великое Разграбление освободило Второе Основание – еще одна причина (молодой Джиндибел имел мужество сказать недавно, что это была главная причина того, что разграблению было позволено произойти). После Великого Разграбления Империя погибла, и все последующее время выжившие жители Трантора никогда не вторгались без приглашения на территорию Второго Основания. Из этого Второе Основание заключило, что комплекс университет-библиотека, переживший Разграбление, пережил и Великое Возобновление. Руины дворца тоже сохранились. Металл исчез почти со всей остальной территории планеты. Бесконечные громадные коридоры были спрятаны, засыпаны, все покрыто камнем и землей, все и везде – только не здесь. Здесь металл все еще покрывал Трантор.

Можно было рассматривать это место как дань величию, гробницу Империи, но для транториан – народа Хемиш – это были места, населенные призраками, которых нельзя было тревожить. Только люди Второго Основания входили в древние коридоры, касались титанового покрытия.

Но, несмотря на это, все сошло на нет из-за Мула. Мул был на Транторе. Что, если он обнаружил природу мира, на котором побывал? Его физическое оружие было неизмеримо мощнее, чем то, которым располагало Второе Основание, а его ментооружие было почти также сильно.

Второе Основание всегда было сковано необходимостью не делать ничего, пока это возможно, и знало, что почти всякая надежда на победу в немедленном сражении принесет еще большие потери.

Видимо, для Бейты Дарелл такого правила не существовало, ее действия последовали быстро и без помощи Второго Основания. А затем – Золотой Век, когда Первый Спикер каким-то образом нашел пути для активных действий, остановил Мула в его завоевательной политике, овладев, наконец, его мозгом, а затем остановил само Первое Основание, когда оно слишком любопытствовало насчет сущности Второго Основания. Прим Палвер, девяностолетний Первый Спикер и величайший из всех них, сумел положить конец каким-либо угрозам – правда, не без тяжелой жертвы – и спас план Селдона.

Второе Основание на сто двадцать лет стало таким, каким было когда-то – и оно скрылось в посещаемых призраками местах Трантора. Оно скрывалось теперь не от Империи, но, как и раньше, от Первого Основания, почти такого же обширного, как и бывшая Галактическая Империя, а в технологическом отношении даже более могущественного.

Глаза Первого Спикера закрылись в приятной дреме, и он погрузился в мечтательное состояние галлюцинирующей расслабленности, которая, все-таки, не полный сон и не полная потеря сознательной мысли. Хватит уныния! Все будет хорошо. Трантор все еще столица Галактики, потому что Второе Основание здесь, и оно мощнее и крепче держит рычаги власти, чем когда-либо Император. Первое Основание необходимо сдерживать, и вести в правильном направлении. Как бы ни были грозны его корабли и оружие, они ничего не могут сделать, ведь лидеры Первого Основания, при необходимости, могут быть взяты под ментоконтроль.

Вторая Империя настанет, но она не будет похожа на Первую. Она станет Федеральной Империей, с самоуправляющимися районами, в этом случае не будет кажущейся силы и реальной слабости единого централизованного правительства. Вторая Империя будет более свободной, более гибкой, более способной противостоять напряжению, и ее всегда будут вести мужчины и женщины Второго Основания. Трантор останется столицей, населенной сорока тысячами психоисториков и будет более мощным, чем сорокапятимиллиардный город администраторов.

Первый Спикер внезапно очнулся. Солнце опустилось ниже. Кажется, он бормотал вслух? Не сказал ли чего-нибудь лишнего?

Если Второе Основание знает много, но говорит мало, правящие Спикеры знают больше, но говорят меньше, то Первый Спикер знал больше всех и говорил меньше всех. Он хмуро улыбнулся. Вечное искушение – стать патриотом Трантора, видеть всю цель Второго Основания в осуществлении транторской гегемонии.

Селдон предупреждал об этом, за пять столетий он предвидел даже это.

Однако Первый Спикер спал недолго, время аудиенции Джиндибелу еще не настало.

Шандисс думал об этой частной встрече. Джиндибел достаточно молод, чтобы оценить план свежим взглядом, достаточно проницателен, чтобы увидеть то, чего не видят другие. И не исключена возможность, что Шандисс кое-чему научится у младшего.

Никто никогда не знал точно, много ли пользы принес Приму Палверу тот день, когда молодой Коле Бенджем, которому еще не было тридцати, пришел сообщить ему о возможных путях управления Первым Основанием. Бенджем, которого считали величайшим после Селдона теоретиком, никогда впоследствии не рассказывал об этой аудиенции, но, в конце концов, стал двадцать первым Первым Спикером. Некоторые приписывали великие достоинства администрации Палвера даже не столько Палверу, сколько Бенджему.

Шандиссу было интересно узнать, что скажет ему Джиндибел. Было принято, что энергичные юноши, впервые встречающиеся с Первым Спикером наедине, выкладывали все свои тезисы в первой же фразе. Они не могли просить об этой драгоценной первой аудиенции ради чего-то тривиального: это могло убедить Первого Спикера в их легковесности и погубить всю их дальнейшую карьеру.

Через четверть часа перед ним предстал Джиндибел. Молодой человек не выказывал и признака нервозности. Он спокойно ждал, когда заговорит Шандисс.

Тот произнес:

– Вы просили личной аудиенции, Спикер, по поводу важного дела. Не будете ли вы столь любезны резюмировать?

Джиндибел сказал так спокойно, словно говорил о меню своего обеда:

– Первый Спикер, план Селдона бессмыслен.

Стор Джиндибел не помнил такого времени, когда бы план считался обыкновенным. Ему было всего десять лет, когда его завербовал для Второго Основания агент, сумевший оценить потенциальные возможности мальчика.

Потом он прекрасно учился и увлекся психоисторией. Она тянула его к себе, и он рвался к ней, читая труды Селдона, в то время как другие в его возрасте едва справлялись с дифференциальными уравнениями.

Когда ему было пятнадцать лет, он поступил в Транторский Галактический Университет (так официально назывался университет на Транторе) после собеседования, во время которого его спросили, к чему он стремится, и он ответил: «Быть Первым Спикером до того, как мне стукнет сорок».

Он не собирался домогаться кресла Первого Спикера без достаточной квалификации. Он был убежден, что тем или иным способом добьется этого поста. Его целью было сделать это в молодые годы. Даже Прим Палвер стал Первым в сорок два года.

Экзаменатор заколебался, услышав такой ответ, но юноша уже владел психоязыком и смог понять его сомнения. Он знал также твердо, как если бы его собеседник заявил об этом – в записях экзаменатора появится маленькое примечание: «этим юношей будет трудно управлять».

– Ну, конечно!

Джиндибел и не собирался подчиняться чужой воле.

Сейчас ему тридцать. Через два месяца будет тридцать один, а он уже член Совета Спикеров. Ему оставалось самое большее девять лет, чтобы стать Первым Спикером, и он знает, что будет им. Эта аудиенция с нынешним Первым Спикером станет решающей. Стараясь теперь ясно передать свои ощущения, он не тратил усилий на полировку психоязыка.

Когда два Спикера Второго Основания общаются друг с другом, их язык не похож ни на какой другой в Галактике. Это, скорее, язык летящих жестов, чем слов, главное тут – определить рисунок ментообмена.

Посторонний услышит мало или вообще ничего, но за короткое время можно обменяться множеством мыслей, и их не будет знать никто, кроме собеседника.

Язык Спикеров выигрывал в скорости и утонченности, но проигрывал от того, что пользуясь им, почти невозможно скрыть свои истинные убеждения.

У Джиндибела сложилось определенное мнение о Первом Спикере. Он чувствовал, что Первый Спикер пережил свой расцвет. Первый Спикер – по оценке Джиндибела – не рассчитывал на кризис, у него не хватит проницательности, чтобы разрешить этот кризис, если он начнется. Несмотря на свои способности, Шандисс мог стать причиной бедствия.

Все это Джиндибел изгонял не только из слов, жестов или выражения лица, но и из своих мыслей. Он не знал достаточно эффективного способа не дать возможности Первому Спикеру почувствовать хотя бы «запах» его мнения.

Джиндибел не мог также избежать кое-какого осознания чувств, какие Первый Спикер испытывает к нему. Сквозь добродушие и доброжелательность – совершенно явные и разумно искренние – Джиндибел чувствовал снисходительность и сжимал собственный мысленный захват, чтобы не дать заметить какое-либо недовольство в ответе или хотя бы уменьшить его, насколько возможно.

Первый Спикер улыбнулся и откинулся в кресле. Конечно, он не задирал ног на стол, но вытянул их во всю длину как для выражения самоуверенного довольства и неофициального дружелюбия, так и для того, чтобы оставить Джиндибела в неуверенности относительно эффекта его заявления.

Поскольку Джиндибела не пригласили сесть, доступные ему действия и поведение, способные уменьшить неуверенность, были ограничены. Не может быть, чтобы Первый Спикер не понимал этого.

– План Селдона бессмыслен? – повторил Шандисс. – Замечательное утверждение! Заглядывали ли вы в последнее время в первоисточник, Спикер Джиндибел?

– Я постоянно изучаю его, Первый Спикер. Это мой долг и мое увлечение.

– А вы, случаем, не изучаете только те его части, которые входят в сферу ваших обязанностей? Наблюдали ли вы его в микростиле: систему уравнений в одном месте, регулировку потока – в другом? Я всегда считал великолепным упражнением – наблюдать за всем курсом. Изучать первоисточник акр за акром для пользования им, но наблюдать его как целый континент – для вдохновения. Сказать по правде, Спикер, я сам давно уже этого не делал. Не хотите ли присоединиться ко мне?

Джиндибел не рискнул сделать длинную паузу. Это будет и должно быть сделано легко и приятно, или вовсе не сделано.

– Польщен и счастлив, Первый Спикер.

Первый Спикер дотронулся до рычага на краю стола. Такие столы были в офисе каждого Спикера, и стол в офисе Джиндибела был ничуть не хуже, чем у Первого Спикера. Второе Основание было обществом равенства во всех своих внешних проявлениях. Которые, кстати, не имели никакого значения. В сущности, у Первого Спикера была единственная официальная прерогатива: он всегда говорил первым.

Когда Шандисс нажал на рычаг, в комнате потемнело, но почти сразу же тьма рассеялась в жемчужной дымке. Обе длинные стены стали слегка кремовыми, затем побелели и сделались ярче, в конце концов, на них появились словно напечатанные уравнения, такие мелкие, что их было трудно разобрать.

– Если вы не возражаете, – сказал Первый Спикер, хотя было совершенно ясно, что никаких возражений быть не может, – мы понизим увеличение, чтобы увидеть насколько возможно больше.

Ближайший отпечаток съежился до волосяной линии, черной извилины на перламутровой стене.

Первый Спикер дотронулся до кнопки маленького аппарата, встроенного в подлокотник его кресла.

– Мы вернемся к началу – ко времени Хари Селдона – и поставим на медленное движение. Мы сузим его так, чтобы видеть сразу только десятилетнее развитие. Это дает удивительное ощущение потока истории без отвлечения на детали. Интересно, делали ли вы когда-нибудь так?

– Точно так – никогда, Первый Спикер.

– А должны бы. Это чудесное ощущение. В первые несколько десятилетий альтернативы не было. Точечные ответвления, однако, невероятно экспонентны во времени. Разве не факт, что, как только образуется специфическое отклонение, все скоро становится трудноуправляемым.

– Я знаю, Первый Спикер, – в ответе Джиндибела прозвучала суховатая нотка, которую он не смог подавить.

Однако Первый Спикер не прореагировал на нее.

– Обратите внимание на извилистые красные линии. По всей вероятности, они будут достаточно беспорядочными, так как каждый Спикер зарабатывает свое место, добавляя усовершенствование к первоначальному плану Селдона. Казалось бы, нет возможности предсказать, где можно легко добавить усовершенствование или где определенный Спикер найдет применение своим интересам или своим способностям. Однако же, я давно подозреваю, что смешение Черной Селдона и Красной Спикера следует точному закону, сильно зависит от времени и очень мало – от чего-нибудь другого.

Джиндибел следил, как проходят годы, и как черная и красная линии составляют почти гипнотически переплетающийся узор. Сам по себе узор, конечно, ничего не означал. Учитывались символы, из которых он состоял.

То там, то тут появлялся ярко-голубой ручей, надувался, ветвился, начинал выдаваться над другими, а затем опадал и исчезал в черном или красном.

– Голубое Отклонение, – сказал Первый Спикер, и чувство отвращения, возникшее в обоих, наполнило пространство между ними. – Мы захватываем его снова и снова и, в конечном счете, придем к Веку Отклонения.

Так и было. Можно было сказать точно, когда разрушительный феномен Мула на короткий срок наполнил Галактику, когда первоисточник внезапно разбух от ветвящихся ручьев голубого – слишком протянувшегося, чтобы быть подавленным – пока сама комната не стала голубой, потому что линии утолщались и освещали стену все более ярким свечением.

Отклонение достигло пика, а затем потускнело, утончилось, и прошло долгое столетие, прежде чем его тонкая струйка подошла к своему концу. Когда она исчезла и план снова вернулся к черному и красному, стало ясно, что тут действовала рука Прима Палвера.

Вперед, вперед…

– А это настоящее время, – с удовлетворением сказал Первый Спикер.

Вперед, вперед…

Затем сужение и подлинный узел плотно скрученного черного с еле заметным красным.

– Это установление Второй Империи, – сказал Первый Спикер. Он выключил первоисточник и включил в комнате обычное освещение.

– Эмоциональный эксперимент, – заметил Джиндибел.

– Да, – улыбнулся Первый Спикер, – и вы осторожно не обнаруживаете своих ощущений. Но это неважно. Разрешите мне расставить точки, которые я хотел бы расставить.

Обратите внимание прежде всего на почти полное отсутствие Голубого Отклонения после Прима Палвера – иными словами, за последние сто двадцать лет. Обратите внимание, что и следующие пять столетий не имеют приемлемых вероятностей Отклонений выше пятого класса. Заметьте также, что мы начали распространять усовершенствования психоистории дальше периода установления Второй Империи. Как вы, конечно, знаете, Хари Селдон при всей своей необыкновенной гениальности не был и не мог быть вездесущим. Мы более информированы, больше знаем о психоистории, чем, вероятно, знал он.

Селдон закончил свои расчеты на Второй Империи, дальше, в основном, моя работа, и ей я обязан своим теперешним постом.

Я говорю вам все это для того, чтобы вы избавили меня от, лишних слов.

Можно ли, зная все это, вывести заключение, что план Селдона бессмыслен? Он бессрочен! Простой факт, что он пережил столетие Отклонения – при всей должной почтительности к гению Палвера – лучшая очевидность, что в нем нет изъяна. Где в нем слабость, молодой человек, из-за которой вы заклеймили план как бессмысленный?

Джиндибел стоял прямо и твердо.

– Вы правы, Первый Спикер. План Селдона бессрочен.

– Значит, вы отказываетесь от своего утверждения?

– Нет, Первый Спикер. Недостаток порока и есть его порок. Это роковая беспорочность!

Первый Спикер невозмутимо смотрел на Джиндибела. Он умел управлять своим лицом, и ему было интересно следить за неспособностью Джиндибела сдерживаться. В каждом ментообмене молодой человек старался скрыть свои чувства, но каждый раз полностью выдавал их…

Шандисс беспристрастно изучал его. Это был тощий молодой человек, роста чуть выше среднего, узконосый, тонкогубый, с беспокойными руками. Темные глаза то и дело вспыхивали.

Первый Спикер понимал, что этого молодого человека трудно столкнуть с его убеждений.

– Вы говорите парадоксами, Спикер.

– Это звучит парадоксом, Первый Спикер, потому что мы навертели вокруг плана Селдона так много, что считаем это доказанным и принимаем его как бесспорный.

– А с чем вы хотите спорить?

– С истинностью базы плана. Все мы знаем, что план не сработает, если его природа – или даже его существование – станет известным многим из тех, чье поведение соответствует предсказанию.

– Я уверен, что Селдон понимал это. Я даже уверен, что он сделал это одной из своих двух фундаментальных аксиом психоистории. Он не предвидел Мула, Первый Спикер, и, следовательно, не мог предвидеть и степень навязчивой идеи, какой стало Второе Основание для людей Первого Основания, как только Мул показал им важность Второго Основания.

– Хари Селдон… – начал Первый Спикер, но пожал плечами и замолчал.

Физическое появление Хари Селдона было известно всем членам Второго Основания. Его репродукции в двух или трех измерениях, фотографические и голографические, в барельефе, сидящего или стоящего, были вездесущи. Все они изображали его в последние годы жизни. На них был старый добрый человек с мудрым морщинистым лицом, символизирующим квинтэссенцию полностью созревшей гениальности. Но Первый Спикер теперь вспомнил одну фотографию, считавшуюся изображением Селдона в молодости. Фотографию забыли, поскольку она была в явном противоречии с представлением о молодом Селдоне. Но Шандисс видел ее, и ему внезапно пришло на ум, что Стор Джиндибел удивительно похож на молодого Селдона.

Смешно! Время от времени каждого беспокоит нечто вроде суеверия, каким бы рационалистом он ни был. Шандисса обмануло случайное сходство. Если бы та фотография была сейчас у него перед глазами, он сразу бы понял, что сходство иллюзорно. Но почему эта дурацкая мысль пришла ему в голову именно сейчас?

Он снова овладел собой. На мгновение он вздрогнул – мимолетное крушение мысли, слишком короткое, чтобы его заметил кто-либо, кроме Спикера.

Ладно, пусть Джиндибел истолкует это, как хочет.

– Хари Селдон, – твердо повторил он, – отлично знал, что произойдет бесконечное число случайных событий, которые он не может предвидеть, поэтому он и создал Второе Основание. Мы тоже не предвидели этого Мула, но осознали его, как только он ополчился на нас, и остановили его. Мы не предвидели последующей навязчивой идеи о Втором Основании людей Первого Основания, но увидели, когда это произошло, и остановили ее. Какую ошибку вы можете найти?

– Только одну, – ответил Джиндибел. – Одержимость Первого Основания еще не преодолена.

В тоне Джиндибела чувствовался заметный упадок уважения. Он заметил дрожь в голосе Первого Спикера (так подумал Шандисс) и перевел ее как неуверенность. И четко учел ее.

Первый Спикер поспешно выговорил:

– Попробую предугадать. Здесь должны быть люди Первого Основания, которые, сравнивая лихорадочные затруднения первых четырех столетий существования с мирной жизнью последних двенадцати десятилетий, пришли к заключению, что этим они обязаны заботам Второго Основания о плане. В этом они, конечно, правы! Вообще-то, мы получили

сведения, что здесь есть молодой человек с главной планеты Первого Основания – Терминуса, член их правительства. Я забыл его имя…

– Голан Тревиз, – мягко сказал Джиндибел. – Я первым заметил его. И направил рапорта в ваш офис.

– Да? – сказал Первый Спикер с преувеличенной любезностью. – И каким образом ваше внимание сосредоточилось на этом человеке?

– Один из наших агентов на Терминусе прислал нудный рапорт о новоизбранных членах Совета – самый обычный рапорт, какие всегда присылаются и всегда игнорируются всеми Спикерами. Мне бросилось в глаза описание одного из новых советников, Голана Тревиза. Судя по описанию, он необычно суеверен и воинственен.

– И вы признали родственную душу?

– Вовсе нет, – сдержанно возразил Джиндибел. – Он, похоже, личность безрассудная, радуется, совершая нелепости – такая характеристика ко мне не подходит. Не составило труда решить, что он может оказаться хорошим материалом для нас, если его завербовать, пока он молод.

– Возможно, – сказал Первый Спикер, – но вы знаете, что с Терминуса мы не вербуем.

– Прекрасно знаю. Во всяком случае, даже без нашей тренировки у него необычная интуиция. Конечно, совершенно недисциплинированная. Поэтому я не особенно удивился тому, что он уверен в существовании Второго Основания. Я почувствовал, что это очень важно, и послал в ваш офис докладную.

– И я должен понять так, что это новое развитие?

– Осознав благодаря своим развитым интуитивным способностям тот факт, что мы все еще существуем, он употребил это знание крайне недисциплинированным образом, и был выслан с Терминуса.

Первый Спикер поднял брови.

– Вы вдруг остановились. Вы хотите, чтобы я истолковал значение этого.

Позвольте мне применить, не пользуясь компьютером, грубое приближение уравнения Селдона и угадать, что проницательный мэр, способная подозревать о существовании Второго Основания, предпочла не иметь недисциплинированного индивидуума, орущего на всю Галактику и могущего насторожить Второе Основание. Я полагаю, Бронзовая Бранно решила, что для Терминуса безопаснее удалить Тревиза с планеты.

– Она могла посадить Тревиза в тюрьму, или убить.

– Уравнения ненадежны, когда прилагаются к индивидууму, как вам хорошо известно. Они имеют дело только с человеческой массой. Поэтому поведение индивидуума непредсказуемо, а можно предположить, что мэр – индивидуальный человек, считающий, что заключение в тюрьму, не говоря уж об убийстве, негуманно.

Джиндибел некоторое время молчал. Это было красноречивое молчание, и он продолжал его достаточно долго, чтобы Первый Спикер почувствовал неуверенность в себе, но не настолько долго, чтобы вызвать защитную злобу.

Он рассчитал время до секунды, а затем сказал:

– У меня иное толкование. Я уверен, что Тревиз в настоящий момент представляет собой режущий край величайшей угрозы Второму Основанию, величайшей за всю его историю – большую опасность, чем Мул!

Джиндибел был удовлетворен. Сила утверждения сработала хорошо. Первый Спикер не ожидал такого и потерял равновесие. С этой минуты контроль принадлежал Джиндибелу. Если у него были какие-то сомнения на этот счет, они полностью исчезли после следующего вопроса Шандисса.

– Это имеет какую-то связь с вашим утверждением, что план Селдона бессмыслен?

Джиндибел рискнул на полную уверенность, вдаваясь в дидактизм, чтобы не дать Первому Спикеру оправиться.

– Первый Спикер, – сказал он, – принято считать, что Прим Палвер выправил курс плана после дикой аберрации Века Отклонения. Взгляните в Первоисточник, и вы увидите, что Отклонения исчезли лишь через два десятилетия после смерти Палвера, и с тех пор ни одного отклонения не появлялось. Первые Спикеры после Палвера вряд ли разделяли нынешнюю точку зрения.

– Невероятно? Я согласен, никто из нас не был Палвером, но почему – вряд ли?

– Вы позволите мне продемонстрировать, Первый Спикер? С помощью математики психоистории я могу ясно показать, что шансы на полное исчезновение Отклонений микроскопически малы, что бы не предпринимало Второе Основание Если у вас нет времени или желания для этой демонстрации, которая потребует полчаса напряженного внимания, можете отказать мне. В качестве альтернативы я могу организовать встречу Совета Спикеров и продемонстрировать это там. Но это будет означать потерю моего времени и ненужную полемику.

– Да и, возможно, потерю лица для меня. Демонстрируйте сейчас. Но предупреждаю, – Первый Спикер сделал героическое усилие, чтобы прийти в себя, – если вы продемонстрируете чепуху, я этого не забуду.

– Если это окажется чепухой, – сказал Джиндибел с легкой гордостью, которая придавила Первого Спикера, – вы тут же получите мое прошение об отставке.

На самом деле все это заняло куда больше получаса, потому что Первый Спикер исследовал уравнения с невероятной педантичностью.

Джиндибел потратил некоторое время, налаживая свой микроисточник.

Аппарат, который мог показать любую часть обширного плана голографически и не требовал ни стены, ни рычага на столе, вошел в употребление всего десять лет назад, и Первый Спикер так и не научился обращаться с ним. Джиндибел знал об этом, и Первый Спикер знал, что тот знает.

Джиндибел прикрыл аппарат сверху большим пальцем, а четырьмя остальными манипулировал кнопками, словно это был музыкальный инструмент (Джиндибел и в самом деле написал небольшую статью об этой аналогии).

Уравнения, воспроизведенные и умело обоснованные Джиндибелом, по-змеиному двигались взад и вперед в сопровождении его объяснений. Он мог получить решение, если понадобится установить аксиомы, построить графики в двух или трех измерениях, не говоря уж о проекции многомерных отношений.

Комментарии Джиндибела были ясны и точны, и Первый Спикер сдался. Он был побежден и сказал:

– Я не помню, чтобы видел анализ такого рода. Кто его провел?

– Это моя работа, Первый Спикер. Я опубликовал основы моего анализа.

– Очень умно, Спикер Джиндибел. Что-нибудь вроде этого включит вас в список Первых Спикеров, когда я умру или выйду в отставку.

– Я не склонен думать об этом, Первый Спикер, но, поскольку вы вряд ли мне поверите, я отвожу ваше замечание. Я склонен думать и надеюсь, что буду Первым Спикером, потому что, кто бы ни занял этот пост, он должен будет следовать процедуре, которую ясно вижу только я.

– Да, – согласился Первый Спикер, – неуместная скромность может быть весьма опасной Что за процедура? Может быть, теперешний…

* * *

Первый Спикер тоже может следовать ей? Если я слишком стар для творческого прыжка, то я еще не так стар, чтобы не быть в силах следовать вашим указаниям.

Это была сдача на милость победителя и сердце Джиндибела внезапно потеплело по отношению к старику, даже когда он осознал, что именно на это и рассчитывал Первый Спикер.

– Спасибо, Первый Спикер, мне чертовски необходима ваша помощь. У меня нет надежды повлиять на Совет без вашего просвещенного влияния (милость за милость). Я предполагаю, однако, что – невозможно выправить столетия Отклонения так, чтобы никаких Отклонений больше не было.

– Это мне ясно, – сказал Первый Спикер. – Если ваши расчеты правильны, то, чтобы привести план в порядок и заставить его работать так же отлично, как он, видимо, работал, мы должны научиться предсказывать реакции малого числа людей – даже индивидуумов – с некоторой степенью уверенности.

– Именно так. Поскольку математика психоистории не позволяла этого, отклонения не могли исчезнуть и, более того, не могли оставаться рассеянными. Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил, о пороке плана Селдона.

– Значит, либо план Селдона заключает в себе Отклонения, либо в его математике что-то не правильно. С тех пор как я должен был признать, что план Селдона не показывал Отклонений столетие и больше, ясно, что что-то неладно с нашими расчетами, хотя я не заметил ошибок или промахов.

– Вы ошибаетесь, – сказал Джиндибел, – исключая третью возможность. Вполне допускаю, что план Селдона не включает Отклонения, однако в моих расчетах нет ничего не правильного, они только говорят о том, чего не может быть.

– Я не вижу третьей возможности…

– Допустим, план Селдона управляется такими передовыми средствами психоисторического метода, что реакции малой группы людей – может быть даже индивидуальной – могли быть предсказаны; тогда и только тогда мои расчеты показали бы, что план Селдона действительно не испытал отклонений.

Некоторое время Первый Спикер молчал. Затем сказал:

– Такого передового психоисторического метода нет, это я знаю, и вы тоже, судя по вашим словам. Если мы с вами знаем это, то шанс, что какой-нибудь другой Спикер или группа Спикеров разработали такую микропсихоисторию – могу я ее так назвать – и держат ее в тайне от остальных, бесконечно мал. Вы не согласны?

– Согласен.

– Тогда, значит, либо ваши анализы неверны, либо микропсихоистория существует у какой-то группы вне Второго Основания.

– Верно, Первый Спикер. Правильно!

– Можете вы привести доказательства истинности такого утверждения?

– Нет, никаким официальным образом я не могу этого сделать. Но вспомните, не было ли здесь уже личности, которая могла воздействовать на план Селдона, имея дело с отдельными индивидуумами?

– Вы, я полагаю, имеете в виду Мула?

– Да, конечно.

– Мул мог только разрушать. Проблема в том, что план Селдона работает слишком хорошо, много ближе к идеалу, чем может позволить наша математика. Нам нужен Анти-

Мул – тот, кто способен взять верх над планом, как это сделал Мул, но действовать в противоположном смысле – не разрушать, а улучшать.

– Точно, Первый Спикер. Я не додумался до этого выражения. Кто был Мул? Мутант. Но откуда он взялся? Никто этого, в сущности, не знает. Могут ли быть подобные ему?

– По-видимому, нет. Единственное, что я достоверно знаю о Муле – то, что он был стерилен. Отсюда и пошло его прозвище. Может быть, вы думали, что это миф?

– Я не имел в виду потомков Мула. Но разве не могло быть, что Мул был отколовшимся членом бывшей тогда или ставшей теперь большой группы людей со способностями Мула, и эта группа по каким-то своим причинам не разрушает, а поддерживает план Селдона?

– А зачем кому-то в Галактике поддерживать его?

– А зачем поддерживаем его мы? Мы планируем Вторую Империю, в которой мы, вернее сказать, наши интеллектуальные потомки, будут иметь решающий голос. Если какая-то группа поддерживает план даже более эффективно, чем мы, она вряд ли планирует оставить решающий голос за нами. Править будет она – но как? Не попытаться ли нам найти этот род Второй Империи, куда они нас затягивают?

– Как вы предполагаете их искать?

– Почему мэр Терминуса выгнала Голана Тревиза? Сделав так, она позволила потенциально опасной личности свободно передвигаться по всей Галактике. Не могу поверить, что она это сделала из гуманных соображений. Во все времена правители Первого Основания были реалистами, что обычно означало на практике – без оглядки на «мораль». Один из их героев, Сальвор Хардин, в сущности, выступал против морали в политике. Нет, я думаю, мэр действовала под влиянием агентов Анти-Мула, выражаясь вашими словами. Я считаю, что Тревиз был завербован ими, и расцениваю его как острие опасности для нас.

Смертельной опасности!

– По Селдону, вы наверное, правы, – задумчиво проговорил Первый Спикер, – но как мы убедим в этом Совет?

– Первый Спикер, вы недооцениваете свою популярность.

Земля

Тревизу было жарко, и он злился. Он и Пилорат сидели в маленькой кают-компании, только что покончив с ленчем. Пилорат удовлетворенно признался:

– Мы находимся в космосе всего два дня, а я чувствую себя превосходно, хотя лишен свежего воздуха, природы и всего такого. Удивительно! Впрочем я не замечал такие вещи, даже когда они окружали меня. Кроме вашего замечательного компьютера, у меня здесь вся моя библиотека, или, по крайней мере, все наиболее важное. И я, находясь в космосе, не ощущаю никакого страха. Поразительно!

Тревиз издал непонятный звук. Его глаза сфокусировались внутрь. Пилорат вежливо заметил:

– Я не имел намерения навязываться, Голан, да, по правде сказать, и не думал, что вы слушаете. Я не являюсь особенно интересной личностью – всегда был скучноват, знаете ли. Но вы, кажется, чем-то озабоченны. Мы в затруднении? Не бойтесь сказать мне. Я полагаю, что мало что могу сделать, но в панику не впаду, дорогой мой собрат.

– В затруднении? – Тревиз, видимо, очнулся и слегка нахмурился.

– Я имею в виду корабль. Это ведь новая модель, вот я и предположил, что в ней могут быть неполадки. – Пилорат позволил себе легкую, неуверенную улыбку.

Тревиз решительно покачал головой.

– С моей стороны было бы глупо оставить вас в такой неуверенности. В корабле решительно нет никакой неисправности. Он работает безупречно. Просто я задумался о гипертрансляторе.

– Ага, понятно, но только не мне. Что такое гипертранслятор?

– Сейчас объясню, Янов. Я общаюсь с Терминусом – во всяком случае, могу в любое время снестись с ним, и Терминус, в свою очередь, тоже может общаться с нами. Там знают местонахождение корабля, наблюдая за его траекторией. Даже если они этого не делают, они могут определить, где мы, с помощью сканирующего устройства для массы, которое предупреждает их о присутствии корабля или, скажем, метеорита. И они могут определить энергетическую систему, которая различна не только у корабля и метеорита, но даже у двух кораблей, потому что они используют энергию неодинаково. В любом случае, независимо от того, какими приборами или инструментами мы пользуемся. Корабль может быть и незнакомым, конечно, но если энергетическая система записана на Терминусе, как наша – корабль будет опознан, как только его обнаружат.

– Мне кажется, Голан, – заметил Пилорат, – что развитие цивилизации идет исключительно по линии ограничения уединенности.

– Вероятно, вы правы. Однако рано или поздно мы должны пройти через гиперпространство, иначе мы до конца своих дней будем осуждены оставаться в одном-двух парсеках от Терминуса. С другой стороны, проходя через гиперпространство, мы отрываемся от обыкновенного пространства. Мы проходим отсюда туда – я имею в виду, через расстояние в сотни парсеков – за секунду известного нам времени. Мы внезапно оказываемся безмерно далеко в том направлении, которое предсказать весьма трудно, и нас практически нельзя будет отследить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.